

ГАЛИНА РОМАНОВА

КОРОЛЕВА ОТШЕЛЬНИКОВ

Галина Владимировна Романова
Королева отшельников
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43419339
Королева отшельников: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-104896-9

Аннотация

Лада собирается замуж за Илью – сына Киры Андреевой, хозяйки крупного завода. Помолвка должна произойти в доме Лады и ее отца, но перед самым торжеством по приехавшим гостям стреляют, и Илья погибает. Впрочем, все понимают, что целились в Киру – ведь она известна тем, что в 90-е годы по ее приказу было убито немало неугодных людей. Но что заставило призраков прошлого вернуться именно теперь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	66
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Галина Романова

Королева отшельников

© Романова Г.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Итак, договорились? – Илья глянул сначала на нее, потом на ее отца. – Иван Митрофанович? Завтра мы с мамой у вас?

– Завтра, завтра, завтра... Пф-пф-пф... – Отец попыхтел, устоялся в свою пустую чашку и тут же потянулся за чайником. – Как-то скоропалительно, не находите, Илья?

– Что скоропалительно? – Взгляд Ильи, наполненный замешательством, остановился на ней. – Лада?

– Па, ну ты чего? Мы же с тобой говорили и...

– Да помню я, о чем мы с тобой говорили, – отмахнулся отец и пролил кипяток мимо чашки. – Что Илья сделал тебе предложение. Что ты дала согласие стать его женой. Что он собирается завтра приехать к нам вместе с родителями, чтобы соблюсти все правила. Свататься, одним словом, он собирается. Не так ли? Я все правильно понял?

– Все так, – в один голос подтвердили они.

– Именно потому, что намерения твоего парня, дочка, очень серьезны, я и спрашиваю: не рано ли? Вы сколько знакомы: месяц, два?

– Два с половиной, – снова одновременно ответили Илья с Ладой.

– Во-от! Два с половиной не года, месяца. Разве можно за это время узнать человека? Нет! Погуляли бы, подружили,

узнали бы друг друга получше, а потом бы уже и сватались. Два с половиной месяца! Ну как такое возможно? Мы с тобой мамой, Лада...

– Па, не начинай! – прикрикнула она на отца. – Я эту историю слышу с детства. И про ваши длительные романтические отношения. И про длительные командировки, в которых вы на двоих делили скудные суточные. Знаю. И я так точно не хочу.

Он, казалось, ее не слышит. Уставился на то место, куда пролил из чайника, внимательно рассматривая мокрое пятно на скатерти. Даже трижды обвел его контур пальцем.

– Па, ты меня не слышишь, что ли, вообще?

Лада умоляюще смотрела на Илью, которого затянувшееся чаепитие с будущим тестем начало раздражать. Налицо были все признаки нетерпения: он без конца дергал узел галстука, поправлял манжеты сорочки, перекладывал льняную салфетку с одного места на другое.

– Я сказала, что я так не хочу, как у вас с мамой было, – чуть громче повторила Лада.

Нашарила рукой под столом колено жениха и легонько сжала.

– Что конкретно не хочешь: длительных романтических отношений или трудностей?

Иван Митрофанович выразительно глянул на дорогие запонки Ильи. Тот не уставал их демонстрировать, дергая манжеты белоснежной рубашки.

– Ничего не хочу. Я не хочу, чтобы было как у вас. Я хочу прожить свою собственную жизнь, па! По своему собственному сценарию, а не по твоему. Неужели не понятно?!

Она разозлилась. Отец со своей вечной ностальгией по прошлым временам ей сейчас все испортит.

Илья разнервничался. Уже несколько раз закатывал глаза к потолку и покачивал головой. Он предупреждал ее, что знакомство с родителями не входит в его планы. Что это пережиток какой-то. Что сейчас никто так не поступает. Всё решают сами, родителей просто ставят перед фактом, и всё. Все эти совместные посиделки добром не закончатся.

Был прав! Она дура!

– Хорошо, хорошо, милая, не злись. – Отец внезапно широко улыбнулся и потянулся к Илье с рукопожатием. – Вы уж извините меня, Илья. Болтаю не пойми что. Одна она у меня. Просто родительская ревность. Ничего против вас конкретно я не имею.

– Спасибо.

Илья пожал протянутую руку, с сомнением рассматривая высокого худого мужика.

Сколько ему? Шестьдесят? Семьдесят? Ладе двадцать два, а ему хорошо за шестьдесят. Как такое возможно? Во сколько же лет он женился на матери Лады? Когда за сорок было. Арифметика простая. А до сорока лет что делал? Приглядывался к девушке десять лет, скудные командировочные с ней делил?

Нет, что-то не так в его истории. Какая-то хлипкая она, нереальная. Больше похожа на грустную сказку для взрослых. Можно было бы узнать поподробнее об этом дяде, да не очень хочется. Дойдет слух до матери, что он будущего тестя по своим каналам пробивает, будет вой.

– Итак, завтра мы вас ждем. – Отец в очередной раз пожал руку Илье, провожая его вместе с Ладой к выходу. – Во сколько?

– Я позвоню, – ответил тот туманно то ли ему, то ли Ладе.

Кивнул, вежливо улыбнулся и скрылся за дверью. Лада минуту смотрела на захлопнувшуюся дверь, потом повернулась к отцу и покачала головой:

– Па, ну ты вообще!

– Что вообще, что вообще? – возмущенным шепотом откликнулся он, преграждая ей путь в ее комнату.

– Что это было вообще?! Что ты вообще устроил?! Какая мама, если я ее в глаза не видела никогда? Какие длительные романтические отношения?

– Про романтические отношения это ты, между прочим, придумала. И про командировки и про скудные суточные. Я чуть не рассмеялся, Лада! Предупреждать надо, детка. Откуда ты все это взяла?

– Не знаю. Просто в голову пришло. Как-то вдруг.

Она подергала плечами и попыталась обойти отца. Ей хотелось побыстрее в свою комнату. Хотелось посмотреть, как ее жених смотрит на ее окна, машет ей рукой, как потом са-

дится в свою дорожную машину и уезжает.

Отец не пропустил. Встал как вкопанный посреди узкого коридора. Не обойти, не перепрыгнуть.

– Тебе в голову пришло как-то вдруг, а я виноват, – осторожно улыбнулся он.

– Это были просто меры предосторожности. Это чтобы ты не начал рассказывать моему жениху, что нашел меня под забором, – сузила глаза Лада.

– Не под забором, а на вокзале. На скамеечке лежала. Вот такой сверточек. – Отец раздвинул ладони сантиметров на сорок. – Махонькая, красивая, глазки как вишенки. И молчишь, не плачешь. Я и забрал тебя. Не оставлять же было тебя одну на этой грязной деревянной скамейке.

– А про опорный пункт милиции тогда ничего никто не слышал, да? – усмехнулась она. – Их на тот момент на том полустанке не существовало вообще, так?

– Нет, не так.

– А как?

Она обожала слушать эту историю. Она у отца каждый раз обрастала все новыми и новыми подробностями. И иногда, да, он путался в показаниях. И ей становилось жутко интересно, а где же настоящая правда?

– А так, что мне на тот момент нельзя было к милиционерам обращаться.

– Почему? – Она скрестила руки на груди. Глянула весело. – Не брит был? Или пьян?

– Ладусик, дочка, ну ты же знаешь, – захныкал он при-
творно и ладонью глаза прикрыл. – Документов у меня на тот
момент с собой не было. Пристали бы. Пока личность уста-
новили бы, пока разобрались, тебя бы в Дом малютки отпра-
вили. А я не мог! Не мог тебя уже из рук выпустить. Сразу
сердцем к тебе прикипел, дочка.

– Ох, папка, беда с тобой. – Она рассмеялась, встала на
цыпочки, дотянулась до его щеки и поцеловала звонко. – Вот
поэтому и была придумана история о романтических отно-
шениях моих родителей. Чтобы, не дай бог, ты свою не рас-
сказал. Настоящую.

– А что в ней тебе не нравится?

Лада передумала идти к себе и пошла в гостиную. Надо
было убрать со стола. Отец маршировал следом.

– Не думаю, что мамаше Ильи понравится, что ее сын вы-
брал себе в жены подкидыша. Без роду, без племени!

Она склонилась над столом, принялась перекладывать в
одну тарелку сыр, ветчину, колбасу.

– Ой, Лада! – Лицо отца комично сморщилось, когда он
усаживался за стол. – Никто не знает, чья ты. Ты моя дочь,
и точка. К тому же неизвестно, чьих будет Илья твой. Ты же
не знакомилась с его родителями.

– У него одна мать.

– Понятно. – Он успел схватить кусок ветчины прежде,
чем Лада убрала тарелку со стола. – А у тебя один отец.

– Ты на что это намекаешь? – фыркнула она, замирая по-

среди гостиной с тарелками в руках. – Хочешь с матерью Ильи закрутить роман?

– Фу! О чем ты, детка? – Он вяло жевал, мечтательно поглядывая на окно, за которым жарило весеннее солнце. – Мои романы давно в прошлом. Стар я для таких забав. Тебя вот отдам замуж и...

И чем он потом займется, он понятия не имел. Рыбачить он не любил. В карты и домино с соседями во дворе не играл. Потому что всегда выигрывал. И этого ему не прощали. Гнали прочь. Из дома Ильи его тоже наверняка погонят. Если и не погонят, то желанным гостем он там вряд ли будет.

Он знал.

– Па, а может, тебе и правда приударить за ней?

– Ой! – Он снова комично сморщился. – Ты сама ее хоть раз видела, Ладушка?

– Нет.

– Вот, а мне предлагаешь. Может, она кривая и косая. – Он скосбочил рот набок. – Толстая и противная. К слову, чем она вообще занималась всю свою сознательную жизнь?

– Ты о чем?

Лада отнесла тарелки, собрала со стола чашки, блюда.

– На чем сделала себе состояние? Запонки ее сына стоят дороже, чем наша мебель в гостиной. Поверь, я в этом разбираюсь.

– Я тоже, папа! Забыл? – фыркнула Лада. Сходила в кухню. Вернулась за чайником. – Да, недешевые. Но чем зани-

малась его мать, не знаю. Сейчас она отошла от дел. Передала бразды правления сыну.

– Илье?

– Да. Он у нее один.

– А сама? По курортам летает?

– Нет... Не знаю. – Лада осторожно, чтобы не просыпать на пол крошки, свернула скатерть. – Илья будто говорил, что она болеет. Тяжело. Будто даже ходит на костылях. Что-то с суставами.

– Возрастное, – поддакнул отец.

И покосился на свои колени. С его суставами все было в полном порядке. Он занимался своим здоровьем смолоду. Точнее, с тех самых пор, как в его жизни появилась дочка. Раньше пробежки, теперь быстрая ходьба. Холодные обливания. Периодическое голодание. Ему просто необходимо было быть крепким. Он должен был ее вырастить. Допустить, чтобы она снова осталась одна, он не мог.

И вот теперь ее у него забирают. Насовсем. Какой-то кудрявый белокурый пижон, сильно смахивающий на известного поэта. Если честно, то Илья не понравился ему с первого взгляда. Еще до того момента, как попросил у него руки его дочери. Слишком изнежен, слишком избалован, манерен.

Ладе будет с ним сложно. Она привыкла к другой жизни.

Не к бедной, нет. Он не жалел себя, делал все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Он на совершеннолетие подарил ей машину. Новую, из салона. Не потому, что машины были у

большинства ее сверстниц, а потому что это стало необходимостью. Ездить в институт ей приходилось с тремя передсадками. Но при всем при том, что она одевалась красиво и модно, стриглась в дорогом салоне и раз в полгода позволяла себе слетать куда-нибудь на отдых, Лада не была избалованной. Есть – хорошо, нет – не страшно.

Так он ее воспитал.

И прекрасно существовать она могла совершенно в спартанских условиях. Мягкие диваны под нежнейшим бархатом, да, пусть будут, не лишние. Но если их нет, она могла уснуть на голом полу. И проснуться отдохнувшей.

А этот ее Илья...

Нежные щеки, вялые губы, ухоженные ногти. И эти белокурые кудри по плечам. Отвратительно!

Нет, не нравится он ему. И вряд ли он когда изменит свое мнение о нем.

– Вы жить где собираетесь? – спросил он, когда Лада все убрала, вымыла и засобиралась в спортзал.

– У него, наверное. Еще не обсуждали. – Она рассеянно рылась в спортивной сумке. – Па, ты мои шорты спортивные не видел?

– В комод, в верхнем ящике. Сама постирала, сама положила и не помнишь, – отозвался он из-за газеты, которой закрылся и в которой не прочел ни строки. – А у него, это где? У него есть отдельное жилье? Есть своя квартира?

– Да не знаю я, пап, – призналась Лада и нахмурила лоб. –

А ты чего пристал? Хочешь квартиру нам подарить?

– Если возникнет необходимость, подарю. – Он заломил уголок газеты и подмигнул ей. – Только скажи.

– Да нет. Не надо. – Она с грохотом откатила верхний ящик комода. Вытащила спортивные трусы, которые называла шортами. Швырнула их в сумку. – У Ильи дом огромный.

– Не у Ильи, а у мамы.

– Не у мамы, а у мамы с Ильей, если точнее.

– И станешь ты там жить служанкой. – Он подставил щеку для поцелуя, дочь никогда не уходила из дома, не поцеловав старого отца. – Станешь ухаживать за жирной старой теткой, страдающей болезнями суставов.

– У них есть служанка, пап. – Лада склонилась к нему, поцеловала. И тихо рассмеялась прежде, чем уйти. – Ты газету переверни. Так читать неудобно – вверх тормашками.

Глава 2

– Илюша, сынок, ты мне ничего такого не говорил. – Наполовину скрытые морщинами глаза Киры Сергеевны заблестели. – Ты даже не намекал, что собираешься жениться.

Илья замер посреди ее комнаты. Когда именно так у матери блеснули глаза, жди какой-нибудь гадости. Либо слез, либо приступа бешенства. Она не часто, но срывалась. Все никак не могла забыть прежних привычек, когда руководила огромным заводом и в пух и прах разносила подчиненных. Он не был ее подчиненным, он был ее сыном. И приступов ее агрессии не боялся совершенно. Даже если в его сторону летели костыли или посуда. А вот ее слез он не переносил. Это было ужасно. Некрасиво. Отвратительно. Гадко.

Толстое лицо матери корчилося, морщилося. Слезы текли так обильно, что казалось, кто-то сверху поливает ей на голову из чайника. Глаз вовсе не было видно. И еще она при этом страшно выла. Причитала, как старая деревенская бабка. И еще становилась немощной, слабой. А она не должна была быть такой. Не имела права! Она была сильной, железной, волевой. Она была Кирой Сергеевной Андреевой! Не у одного мужика тряслись колени, когда она обходила завод. Ее боялись многие. И это ему всегда нравилось. С этим чувством он вырос таким – защищенным.

– Мам, я говорил тебе. Ты просто забыла, – соврал он.

Подошел к огромному креслу, в котором мать сидела с ноутбуком на коленях, наклонился, потрепал ее по щеке.

– Ты просто замоталась, забыла.

– Замоталась! – фыркнула она, покосившись на него недоверчиво. – Это раньше я могла замотаться. Когда была на своих ногах. Теперь-то что? Теперь все пущено на самотек. Все, Илюшенька.

– Мама, да ты и теперь все держишь в своих руках, – принялся он безбожно ей льстить, зная прекрасно, как ей это нравится. – Без тебя ничто не решается.

А вот это было правдой. Он до сих пор носил ей на подпись почти все приказы. До сих пор не мог принять самостоятельно ни единого решения, пока она не одобрит. И это его бесило, и еще как!

– Ладно, ладно. – Она поймала его за шею, наклонила ниже и припечаталась полными губами к его щеке. – Любимчик мой...

– Я тоже тебя люблю, мам. – Илья осторожно высвободился из материных пальцев, казавшихся стальными. – Так что, мам? Ты будешь готова к пяти? Я за тобой заеду, и мы поедем к ним.

– К пяти! – Ее лицо тут же затряслось. – Мало того, что ты женишься на неизвестной девушке, так еще и свататься приказываешь тащиться к ним в ночлежку.

– У них не ночлежка, а большая квартира в престижном районе. С хорошим ремонтом и мебелью. И вообще, мам...

Ты сколько раз мне повторяла: не гонись за избалованными девушками. Не нужны они тебе. Говорила?

– Говорила, – нехотя согласилась она.

– Вот... А Лада как раз из таких, из неизбалованных.

– Лада! Имя-то какое чудное!

– Модное нынче, мам.

– Так это нынче. А она не сегодня родилась, Лада твоя. Ее сколько лет назад так называли, а?

– Двадцать два года назад, мам.

Илья стоял возле огромного зеркала, встроенного в широкую дверцу шкафа, и наблюдал за реакцией матери.

– Ага... А тогда такие имена разве в моде были? – Она с сомнением качнула головой. Захлопнула крышку ноутбука. – Ладно, буду готова к пяти. Раз сын просит, буду готова. Ты Лизке прикажи, чтобы помогла мне.

Лизавета была ее личной сиделкой. И распоряжалась ею исключительно мать. Илья не только приказывать, просить ее не мог ни о чем. Лиза не подчинялась. Мать знала об этом прекрасно, но все равно сказала именно так.

Зачем? Илья стиснул зубы. Чтобы еще раз подчеркнуть, что не все он тут решает? И дома, и на заводе. Что она – Кира Сергеевна Андреева, даже сидя с костылями в домашнем кресле, способна вершить судьбу. А он был и останется маленьким сыном. И всегда будет под ней.

– Хорошо, прикажу, – сказал он.

И тут же поймал в зеркале ее удовлетворенную ухмылку.

Она знала, что Лиза его даже слушать не станет. Даже головы не повернет в его сторону.

– Ты сейчас куда, сынок?

Мать положила ноутбук на низкий столик рядом с креслом, потянулась за костылями.

– На завод, мам.

– А что так поздно? – Она неодобрительно покосилась на часы. – Почти десять. Я, бывало, в начале восьмого уже по территории шла. Сейчас вот не могу.

Она ловко вцепилась в костыли, встала, отказавшись от его помощи, и медленно двинулась к двери.

– Идем, провожу тебя, Илюшенька, к выходу.

Кабинет матери был слева от просторного холла. Первая дверь. Окна выходили на три стороны. Она должна была все контролировать, не выходя из комнаты. Как садовник стрижет кусты, как метет дорожки, как раскладывает дрова в каменном очаге для барбекю. Как горничная развешивает белье, как и о чем разговаривает с садовником. Как охрана перемещается по периметру.

Она должна была контролировать все.

– Все, мам, я поехал. – Илья наклонился к матери, опирающейся на костыли и еле стоявшей возле входной двери. – Ты иди к себе, отдохни.

– Я только и делаю, что отдыхаю, – вздохнула она. – Поезжай, поезжай, милый. Да, и хотела тебе сказать.

Илья уже приоткрыл дверь и толкался в нее углом кожа-

ного портфеля.

– Первый и последний раз ты едешь на завод в такое время, – жестким, почти забытым голосом проговорила мать. Повернулась и пошла прочь, приволакивая ноги. Но успела сказать напоследок: – Иначе поставлю конкурсного управляющего.

От дома до машины он не шел, не бежал, он летел, стискивая зубы от бешенства.

Сука! Старая немощная сука! Чтоб тебя...

Вот придумать наказание для властной матери у него не выходило. Равно, как и не выходило проклинать ее. Обозвать ее он еще мог, про себя, беззвучно, но дальше этого заступить не мог.

Что он без нее в конечном итоге? Ноль? Какое-то время еще продержится, а потом все – конец. И с заводом не справится, и с конкурентами. И потекут тогда заработанные матерью денежки со счетов. И в одно прекрасное время закончатся.

А этого Илья боялся больше всего. Нищеты, банкротства, позора. Он еще помнил рассказы матери, которыми она делилась с ним в его далеком детстве, о том, как она выбиралась с самого дна жизни, как строила свою империю. Как ходила месяцами в одной юбке и жрала «бомжей».

Бр-рр! Он так не хотел. Он так не мог. Он этого боялся. И под матерью ходить устал, и без нее остаться боялся. Хотя бы еще немного, но пусть побудет рядом.

И именно поэтому его выбор пал на Ладу. Именно поэтому он выбрал ее в жены. Она была не такая, как все. Она была необыкновенной. Загадочной. Она была маленькой, милой, нежной, но в то же время в ней чувствовалась невероятная скрытая сила. Прямо как в его матери. Может, этим она привлекла его? Черт его знает!

А еще она отлично училась в институте. На экономическом факультете. И уже пару раз давала ему дельные советы по ведению бизнеса. Он ими воспользовался и снискал похвалу матери. Она подумала, что он сам до этого допер. А он, если честно, был в этом не очень. Мог, конечно, на совещаниях щеки надувать и даже отчитывать подчиненных за ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, но...

Но сам он почти ничего в бизнесе не стоил. И он об этом прекрасно знал. И искренне надеялся, что знает об этом только он один.

И это была еще одна причина, по которой он ставил на Ладу. Она должна была стать его соратником, помощницей, советчиком. Она, а не мать! Она должна будет помогать ему в бизнесе и не выбиваться вперед. Да она и не станет. Она для этого слишком скромна. Слишком искренна и чиста.

Он сел за руль и тут же набрал ее.

– Алло, – ответила она тут же. – Илюша? Ты чего так рано?

– А ты спишь?

– Нет конечно. У меня уже одна пара прошла. Сейчас перемена. Просто ты никогда не звонил мне раньше конца ра-

бочего дня. Ссылался на занятость.

– Я еще не на заводе, – признался он. – Имел разговор с матушкой.

– И как она? Как отреагировала на твое предложение посетить наш дом?

– Все нормально. Мы будем сегодня. В пять я за ней заеду. И к шести будем у вас.

– Отлично. Я уже сделала заказ в любимом ресторане твоей мамы. Как договаривались.

– Могла бы и сама приготовить. Ей бы понравилось, – соврал он в который раз за утро. И тут же добавил правду: – Ты прекрасно готовишь.

– Спасибо. – Она тихо рассмеялась. – Но лучше не рисковать. Не так ли?

– Ну да, ну да. – Он улыбнулся, поняв, что она все поняла отлично. За это он тоже очень ее ценил. – Я люблю тебя, Лада.

– Я тоже люблю тебя, Илья. До вечера?

– До вечера. Кстати, – он медленно катился по дорожке от гаража до ворот, – как я твоему отцу? Ничего он? Смирился?

– Да, конечно.

– Просто он вчера, мне показалось, был несколько...

– Он просто боится одинокой старости, милый, – перебила его Лада. Послышался оглушительный звонок. – Все, мне пора. Пара начинается. До вечера.

– До вечера, – произнес он, хотя она уже его не слышала.

Убрал телефон и добавил едва слышно: – Бойтся одинокой старости он – старый хрыч.

Надо бы, надо бы пробить этого мужика. Что-то было в нем нехорошее. Что именно, Илья не мог сказать. И смотрел отец Лады на него нормально вроде бы. Никакой злобы во взгляде. Никаких откровенных наскоков. Но что-то было. Что-то нехорошее...

Он снова полез за телефоном в карман пиджака, ткнул в цифру один.

– Гарик, привет, это я.

– Вижу, – ответил ему заспанный недовольный голос. – Что-то случилось?

Гарик помолчал и добавил нехотя:

– Босс...

Конечно, Илья не был его боссом. Гарик с первых дней работал на его мать. Выполнял поручения особой важности. И стаж его насчитывал уже более двадцати лет. Что это были за поручения, Илья мог только догадываться. Но суть в том, что догадываться-то ему как раз и не хотелось. Он втайне подозревал, что руки Гарика могут быть запачканы кровью.

С некоторых пор, с тех самых, как мать уселась дома, Гарику было поручено выполнять поручения Ильи. Илья особо его не напрягал, и Гарик заскучал. И даже начал закладывать за воротник. Крепко! С последствиями от похмельного синдрома. То сердечко прихватит, то желудок. Сегодняшнее утро, видимо, выдалось суровым, раз у Гарика такой голос.

– Ничего не случилось.

– Тогда что звонишь? – и Гарик снова добавил недовольно, хрипло: – Босс.

– Надо человечка одного пробить.

Илья мысленно попросил у Лады прощения. Он не мог дать точного определения чувству, которое было разбужено вчерашним его визитом в ее дом. Но чувство в душе поселилось. И не давало покоя. И с этим необходимо было что-то делать.

– И только?

– Да.

– Что за человек?

Гарик шумно зевнул и цыкнул на кого-то. Животных в его доме не было. Серьезных отношений он не заводил. Значит, он ночевал с проституткой. Снова.

Илья забеспокоился. Он не желал, чтобы его разговор с Гариком был хоть какой-то свидетель. Поэтому он спросил с недовольством в голосе:

– Ты не один, что ли?

– Уже один. Так что за человек?

– Пантелеев Иван Митрофанович, – продиктовал Илья. – На вид за шестьдесят. Но точного возраста не знаю. Худой, но сильный.

– Ты зачем мне это все рассказываешь, босс? – вдруг хихикнул Гарик. – Я его и так срисую. Ты мне адрес слей, если есть. Если нет, и так найду.

– А вот найди, – разозлился Илья и отключил телефон. И добавил, стукнув по рулю: – Скотина!

Никто, никто не воспринимает его всерьез, а ему уже двадцать восемь лет. Он уже четыре года руководит заводом. И столько же лет Гарик выполняет его поручения. Да, нечасто он его просит. Да, по большей части поручения пустяковые. Но уважение-то к боссу надо проявлять, а то хихикает, как...

Сейчас еще и матери позвонит. И все ей расскажет. Ну, сволочь, если так сделает, он его уволит на хрен! И не будет он числиться начальником службы безопасности с зарплатой в семьдесят процентов от его личной зарплаты.

Разбаловала его мать. Ох и разбаловала.

Глава 3

Кира Сергеевна погрузила грузное, рыхлое тело в плотную пену в ванной и зажмурилась от удовольствия. Полчаса неподдельного счастья. Целых полчаса она станет наслаждаться, просто валяясь в горячей ароматной воде. Средство, которое давало такую плотную пахучую пену, присылали ей из-за границы. Оно было страшно дорогим, по ее понятиям, и дозировалось ею самостоятельно. Лизке только волю дай, она целый флакон ухлопает. Так нельзя. Это расточительство. Уж лучше она сама.

Она вообще привыкла все в этой жизни делать сама. За все сама отвечать. Поэтому и мужа своего погнала, едва Илюша родился. А Илюша родился как раз в тот месяц, когда она захватила завод. Начало девяностых. Ох и лихое было времечко. Сплошь беззаконие. Благодаря этому произволу она и сделала себе состояние. В компании очень верных, благодарных людей. Муженек не в счет. Он вообще учудил. Она в роддоме, а он в ресторан отправился – праздновать. Ее деньги спускать. Да еще и проституток купил. Сразу трех. На ее деньги! Да ладно бы толк был с его покупки, а то ведь любовником он был так себе. Сонный, вялый, ленивый. Зачем сразу три-то?

Этот вопрос не давал ей покоя всю неделю, пока она валялась на больничной койке в роддоме. И спросила его об

этом в лоб, когда выписалась. Первым делом спросила.

А он – чудище такое – даже не помнил этого! Он просто потратил ее деньги на девок, которых даже не тронул. Не девок, нет, расточительства она ему тогда не простила. И выгнала. Даже к Илюше не дала подойти. И соврала, что это не его сын.

– Гарик постарался? – ощерился хищно ее муженек. – С ним нагуляла, корова?

Она не ответила, давая ему возможность пофантазировать. И выгнала.

А что касалось Гарика...

Он очень понравился ей. С первой минуты, как стал на нее работать, понравился. Но все эти годы она ни разу не позволила себе ничего. Ни разу. Ничего. Это бы крайне мешало их совместной работе – раз. Два – она не могла любить никого так сильно, как себя и своего сына. А три – она понимала, что не такая она красавица, чтобы Гарик полюбил ее просто так. За деньги – да. За власть – да. Но не за красоту, которой у нее отродясь не было. Она всегда была некрасивой, грузной, с маленькими невыразительными глазками, крупными ладонями и ступнями сорокового размера.

Ну кто полюбит такое чудище, скажите? За бесплатно! Никто. Она и платила, когда организм бунтовал и требовал. Но не Гарику. И никому из своего окружения. Все ее страсти были на стороне. И были очень тайными и всегда одноразовыми.

Да и не хотелось ей ничего такого, если честно. Никакой романтики, никакого внимания мужского, никаких судорожных вздохов. Ее жизнь ее устраивала полностью. У нее был любимый сын. У нее было любимое дело. Им она посвятила всю себя.

А вот теперь откуда ни возьмись появилась какая-то Лада! И ее Илюша собрался взять ее в жены. И привести в их дом. То, что молодые могут жить где-то еще, отдельно, даже ею не рассматривалось. Этого не будет никогда!

– Лада, Лада, – произнесла Кира Сергеевна нараспев. – Лада из плитки шоколада. Из чего же ты сделана, деточка? С чем тебя едят?

То, что она сожрет эту девчонку за первым же совместным завтраком, Кира Сергеевна не сомневалась. Она укажет той ее место. В этом доме она хозяйкой не станет. Никогда! Во всяком случае, пока Кира Сергеевна жива. А позволить пережить себя какой-то безродной Ладе она не может.

– Как-то так, – довольно заулыбалась Кира Сергеевна.

Она тяжело колыхнулась в горячей воде. Огромный живот вынырнул из пены белоснежным островом. Кира Сергеевна недовольно поморщилась.

Она тяжела была всегда. Невзирая на правильное питание и диеты, не худела. Нанимала и увольняла к чертовой матери именитых диетологов, фитнес-инструкторов, специалистов восточной медицины. Все было без толку. Она не худела.

– Смиритесь, Кира Сергеевна, – сказал ей на последнем

приеме ее самый уважаемый доктор. – Это генетика. Вы рождены такой. Другой не станете.

Было это... Было это, дал бы бог памяти... Лет десять назад.

И она, следуя совету, смирилась и перестала себя мучить диетами, тренировками, иглоукальванием. И резко набрала вес. Ее суставы не выдержали и принялись без конца воспаляться. Пришлось прибегнуть к помощи костылей. Всем сказать, что обездвижена, что скоро отойдет от дел. Но протянула еще шесть лет, пока Илюша не стал способен занять ее место.

Это были славные шесть лет. Вспоминая, как летели пачками ее управленцы, вознамерившиеся гадить ей в стоворе с конкурентами, Кира Сергеевна хихикала от удовольствия. Эти люди не просто вылетали с ее завода. Они вылетали с волчьим билетом. Они нищали и превращались в ничто. А она, претворяясь немощной и больной, продолжала стоять у руля.

– И так будет всегда, – проговорила Кира Сергеевна.

Ухватила крепкими руками за края ванны и села. Сейчас надо было звать Лизку. Если не позовет, та сразу заподозрит что-то. Как это ее хозяйка смогла самостоятельно выбраться из ванны?! Что за чудеса? Возьмет и проболтается кому-нибудь. Лизка она хоть и верная, но болтливая. Особенно в последнее время. Гарик ее уже не раз ловил и докладывал хозяйке.

Гарик знал. Он знал, что ее костыли – это бутафория. Он единственный, кто знал о ее обмане.

– Зачем? – спросил он как-то.

– Чтобы считали меня слабой. Чтобы списали заранее. Чтобы не ждали от меня удара в свои сутулые спины, – брызгала она слюной, намекая на одного-единственного человека, которого ей так и не удалось сломить.

– Как знаете, – пожал тогда Гарик широченными плечами. – Ваша воля.

– Моя! – стукнула она костылями в пол.

– На все ваша воля, – повторил он, смиренно склоняя голову.

Стоило вспомнить, и Гарик тут же позвонил. Это просто чудеса какие-то или колдовство, но всякий раз, как она о нем принималась думать, он звонил. Будто способен был улавливать ее импульсы, будто научился читать ее мысли даже на расстоянии.

Э-э-эх! Была бы она чуть моложе и чуть красивее, у них бы такой роман с ним сложился! Они бы таких дел сообща наделали! Они бы всех подмяли в этом городе. Всех!

А так...

Стопроцентного доверия даже к такому верному псу, как Гарик, у нее не было. Все люди, все человеки, любила она повторять. У всех свои слабости, свои страсти, свои тайны. Каких-то она о Гарике может и не знать.

– Да, слушаю, – отозвалась она, когда он перезвонил ей в

третий раз.

С первого звонка она трубку никогда не брала. Если звонил второй раз долго, то могла ответить, а могла и не ответить. А если уж звучал настойчивый третий звонок, значит, что-то серьезное. Что-то срочное.

– Илья звонил мне, – доложился Гарик противным голосом, намекающим на его глубокое похмелье.

– Зачем?

Кира Сергеевна прищурилась. В сердце завозилось отвратительное чувство, сильно смахивающее на ревность.

Илья не попросил ее о помощи и позвонил Гарику. Почему? Счел, что мать никчемна? Так знает же, что Гарик давно безбожно пьет. Зажирел от безделья. Какая от него может быть польза? Может, встряхнуть того решил. Или что?

– Попросил пробить одного человека.

– Ух ты!

Она нервно дернулась в остывающей воде и неосмотрительно полезла из ванны. Опомнилась, когда уже и воду слила, и халат на себя надела. Вот дура! Как теперь Лизке объяснить, что сама вылезла? Она и соврать не могла, что, мол, не влезала в ванну и все это время просидела в плетеном кресле возле окна. Лизка ее туда самолично впихнула. И спросила еще, достаточно ли горяча вода. Снова, что ли, наливать и в воду забираться?

Ой, да пошло оно все! Будет много вопросов задавать и трещать языком, она ее уволит, к чертовой бабушке. Новую

няньку найдет. Не велика потеря.

Кира Сергеевна плотнее запахнула на мокром теле банный халат и удобнее устроилась в плетеном кресле возле окна. Старый ротанг жалобно скрипнул, но выдержал вес ее мощного тела.

– Что за человек?

Кира Сергеевна попыталась закинуть ногу на ногу, но толстые ляжки не позволили. Ничего не вышло. Ноги расплзлись по гладкому кафелю. Крупные пальцы ног нацелились в потолок.

– Пантелеев Иван Митрофанович, – произнес Гарик еще более противным голосом.

Но теперь в его голосе не было и намека на похмелье. Теперь он интриговал, завораживал, обещал неожиданное.

– И? Зачем ему это? Кто это вообще?

– Если я не ошибаюсь, – а Гарик никогда не ошибался в принципе, – то это отец некой Лады Пантелеевой. Вам ни о чем не говорит имя этой девушки, Кира Сергеевна?

Издевается, мерзавец! Все уже успел узнать и какие-то главные новости приберег напоследок. И эти новости могут быть как замечательными, так и подлыми.

– Говорит, – буркнула она. – Это девушка, на которой Илья собрался жениться. Если это не другая Лада, конечно. Может, их много теперь развелось.

– Та самая. Та самая это Лада, Кира Сергеевна. Уж будьте уверены, – пропел Гарик. – Это отец его девушки – Панте-

леев Иван Митрофанович. Шестидесяти шести лет от роду, вдовец. Пенсионер. Всю свою жизнь проработавший... Угадайте, где?

– Я вот тебе сейчас костылем как угадаю! – прикрикнула она не очень уверенно. – «Поле чудес» мне тут устроил. Ну! Чего кота тянешь за одно место?

– Всю свою жизнь проработавший на вашем заводе, Кира Сергеевна.

– Гм-м, – кашлянула она и надолго замолчала.

Она пыталась вспомнить, что в ее жизни могло быть связано с этим мужиком. Как там его? Пантелеев Иван Митрофанович. Пантелеев. Пыталась, и не смогла. Либо это было очень давно, либо это прошло как-то мимо нее. Но голос Гарика был полон мерзкой радости. Что-то во всем этом было не так.

– Не вспомнили?

– Нет.

– Ну как же, Кира Сергеевна? Как же вы не помните Пантелеева Ивана Митрофановича, всю свою жизнь проработавшего на вашем заводе? Всю свою недолгую, сволочную, скандальную жизнь.

– Недолгую?! – Она резко села прямо, и в спине тут же заныло. – Как такое возможно, Гарик? То ты говоришь, что отец этой девки пенсионер, что ему сейчас шестьдесят шесть лет. Что он всю свою жизнь проработал на моем заводе. И вдруг утверждаешь, что жизнь его была недолгой. Как так?

Ты не проспался, что ли? Как так?

– А так, Кира Сергеевна, что этот самый Пантелеев много лет назад, а точнее, двадцать с лишним, как раз тогда, когда вы только-только приступали к управлению своим предприятием, очень много голосил с рабочих трибун. Призывал к забастовкам. Требовал создания профсоюза. Строчил жалобы ментам и в прокуратуру. Что, неужели не вспомнили? Пантелеев! Мелкий такой мужичонка. Шепелявый.

– Не помню, – качнула она головой, зажмуриваясь.

Она и правда не помнила. За годы ее правления перед ней прошел строй людей. И многие из них на нее не только жаловались, но еще и пытались руку поднять. Не выходило ничего у них, конечно же, но пытались же.

– Правда, не помню, Гарик. А ты почему запомнил? И почему жизнь-то у него вдруг недолгая? Ты имеешь в виду, на моем заводе недолго проработал, потому что рот много открывал?

– Я сейчас приеду, – вдруг свернул разговор Гарик.

И это было много хуже, чем его противный интригующий голос. Это значить могло только одно: это не телефонный разговор. Стало быть, прошлое вернулось и обещало стать проблемным. И в это прошлое теперь погружается ее любимый сынок Илюша, выбравший себе в жены безродную тварь.

– Лизка! – рявкнула во все горло Кира Сергеевна – Сюда иди!

Лиза сунула нос в приоткрытую дверь. Увидела хозяйку в халате, сидящую в кресле. Тут же метнула испуганный взгляд на ванну. Там было пусто, чисто. Взгляд наполнился страхом. Она что – забыла налить ей воды?! Привела купаться, а воды налить забыла?! И оставила ее тут?!

Господи! Да что с ней такое в последнее время! Она все забывает. Все путает. Старость или болезнь? Болезнь или старость?

– Простите меня, простите, Кира Сергеевна. – Она засеменила по просторной ванной комнате, схватила душевую лейку, принялась ополаскивать ванну. – Закрутилась. Я сейчас, сейчас воды вам налью. Что же вы меня раньше-то не позвали? Сидите тут, сидите. А я дура безмозглая.

– Лиза. Лиза, остановись, – приказала тихо хозяйка. – Я не стану купаться. Передумала.

– Да? – Лиза встала прямо со шлангом от душа в руках. – А как же... А как же теперь?

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – Узкие глаза хозяйки превратились в щелочки. – Тебе врачу показаться не надо?

– Я... – Лиза почувствовала, что бледнеет. – Я не знаю. Может быть. Я ведь скрыла от вас, Кира Сергеевна.

И она тоже?!

– Что ты скрыла? – мягко спросила Кира Сергеевна и тепло улыбнулась.

А внутри все клокотало. Она доверила свою жизнь и здо-

ровье выживающей из ума сиделке?

– У меня ведь на прошлом отдыхе, летом, микроинсульт случился. И память стала подводить. Путаться стала. Вот и сегодня... Думала, что налила воду, помогла вам сесть в ванну. А на самом деле... – Лиза расплакалась.

– Ладно, не реви. – Кира Сергеевна протянула ей руки. – Помоги мне одеться и в гостиную сведи. Гарик сейчас придет.

Гарик приехал, когда Кира Сергеевна уже, переодевшись, сидела в гостиной и тянула из любимой чашки мятный чай. Любимый охранник вошел и привычно замер у дверей.

Среднего роста, по-прежнему крепкий, мускулистый. На его исполосованном многочисленными шрамами теле не было ни грамма жира. Часто, наблюдая за тем, с какой жадностью он ест и как помногу, она завидовала. У нее каждая хлебная крошка, попадая в организм, в жир превращается, а ему все нипочем.

Гарик внимательно наблюдал за ее чаепитием, не смея нарушить церемонию. Стоял, сложив руки за спиной, и молчал.

– Ну! Что скажешь?

Он выразительно глянул на Лизу, застывшую позади хозяйки.

– Лиза, уйди, – скомандовала Кира Сергеевна.

Лиза вспыхнула, но подчинилась. Прежде ее никогда не удаляли с таких вот тайных совещаний.

Гарик закрыл за ней дверь. Через минуту открыл и выглянул. Лизы не было. А могла бы и подслушивать, приложив ухо к замочной скважине. Он мало кому доверял. И именно поэтому подошел к месту, где восседала хозяйка, почти вплотную. Опустился на корточки и прошептал:

– Его нет в живых.

– Кого? – Она дернулась от непонятного испуга, чай пролился на чистое домашнее платье.

– Пантелеева Ивана Митрофановича, которому сейчас должно было бы быть шестьдесят шесть лет, нет в живых.

Она молча подала ему чашку, чтобы он отнес на стол. Задумалась. Гарик снова вернулся к ней и присел.

– Ты уверен? – спросила она негромко.

– Да.

– А если вдруг...

– Нет. Я сам его этими вот руками. – Гарик продемонстрировал ей сильные пальцы. – И мало того, зарыл сам. В лесу. Пантелеева Ивана Митрофановича. Именно его я хорошо запомнил. Потому что он за минуту до кончины «Варяга» петь начал, идиот! Кто-то пощады просил, кто-то плакал, а он запел. Я и запомнил.

– Ух ты-ы-ы! – протянула она и суеверно перекрестилась. – И как же такое возможно?

– Что померший вдруг воскрес? – Гарик опустился на пол, сел, привалившись спиной к коленкам хозяйки. – Вот и мне интересно. Когда, говорите, знакомство с родителями и

невестой у вас назначено?

– Сегодня в шесть вечера, – произнесла она с громким фырканьем. – Ни за что не поехала бы. Илюша очень просил.

– Не-ет, вы поезжайте, Кира Сергеевна. Непременно поезжайте. А я вас сопровожу. Очень уж мне не терпится взглянуть на Ивана Митрофановича, который вдруг решил воскреснуть, столько-то лет спустя.

Глава 4

Он скоро покинет этот мир. Он знал это. Утренний кашель продолжался почти час. Под конец у него не осталось сил не только кашлять, дышать. И, прикрыв глаза, он просил об избавлении. Когда приступ закончился и у него появились силы встать, он, глянув в пустой угол, где раньше висели иконы, принадлежавшие его жене, мысленно спросил:

– За что?!

За что ему все это?! Он никого не убил! Он никому не сделал зла. Всю свою жизнь он потратил на то, чтобы любить и заботиться о ближних. Они не оценили. Покинули его. Сошли, что он немощен, неинтересен, нищ. Жена забрала детей и улетела за границу к тетке. Случилось это уже много лет назад. Что с ними теперь, как они там, он не знал. И знать, если честно, не хотел. Наверняка у них все отлично. Жена вышла замуж. Дети выросли и состоялись. Говорят на местном языке, совершенно позабыв русский. Они и знать о нем не пожелают, соберись он их навестить или позвонить им.

Зачем? Он не видел в этом никакого смысла. Он в последнее время вообще ни в чем не видел смысла. Ни в том, чтобы нарядно, дорого одеваться, ни в том, чтобы вкусно кушать, удобно спать. Он давно бы уже перекочевал из своей квартиры на помойку, не будь он столь брезгливым. И брезговал он не бытовыми отходами. Брезговал грязными людьми. От

одного вида их его тошнило. И превратиться в одного из них он не мог.

Поэтому доживал свой век в удобной квартире, исправно оплачивал коммунальные услуги. Раз в три дня делал влажную уборку. Делал бы каждый день, да силы стали не те. Он слабел. Дряхлел. И очень сожалел, что его физическая немощь, возможно, не позволит ему воплотить в жизнь то, ради чего он еще оставался на этом свете.

А оставался он среди себе подобных ради мести.

Мсть! Только она заставляла его испорченные недугом легкие дышать. Заставляла отравленную чужой подлостью кровь бежать по венам. Чужой подлостью, не его. Только ради нее он, еле переставляя ноги, ежедневно совершал пешие прогулки мимо особняка за высоким забором. Все подмечал, записывал, составлял расписание. Долгие месяцы, которые сложились в годы.

Десять лет! Десять лет насчитывали его ежедневные пешие прогулки. Десять лет он пестовал в себе ненависть к этой страшной особе, возомнившей себя царицей.

Только она – эта страшная жирная жаба – была виновата в его нездоровье. Только ее алчность сгубила его легкие. Разрушила его семейную жизнь. Превратила в инвалида.

А всего и нужно было – закупить новое оборудование для цеха и своевременно установить его взамен старого, почти уже вышедшего из строя. Многочисленные проверки не находили никаких нарушений. Подписывались сотни бумаг,

что на заводе все хорошо. Что все нормы соблюдаются. Что простым рабочим ничего не угрожает.

Но он-то знал, что все эти бумаги – липа. Что каждый инспектор уносил с собой плотный конверт с деньгами. Да и не он один знал. Все рабочие, которые работали на вредном производстве, знали это. И ждали беды. И беда случилась. Не со всеми, нет. С теми, кто работал с ним в одну смену.

Их было четверо в ту ночь, когда трубопровод не выдержал давления и выстрелил губительным фонтаном. Одного убил сразу, обварив до костей. Второй умер в больнице. Третий – это был он – выжил и стал инвалидом. Четвертому повезло. Он как раз ушел на ужин и не пострадал. И именно его показания, тоже купленные за большую сумму денег, взяли за основу при расследовании этого несчастного случая. Именно с его слов установили, что все пострадавшие нарушили правила техники безопасности.

Ему, конечно, после выписки из больницы тоже заплатили. И даже помогли поменять маленькую однокомнатную квартиру в спальном районе на трешку в старом фонде, но почти в центре. И он, как дурачок, радовался. И даже часто думал: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Все деньги, что ему выплатили, ушли на ремонт и мебель. Лечиться ему было не на что. И он начал постепенно загибаться. И тогда его жена, не прельстившись даже улучшившимися условиями проживания, сбежала. Сбежала, забрав детей.

А он начал ходить в директорат на приемы по личным вопросам, как на работу. Ходить и просить дополнительно-го довольствия. Поначалу помогали. Выделяли путевки в санатории. Выдавали талоны на спецпитание. Даже оформили пенсию по утрате трудоспособности в связи с полученными травмами на производстве. Вместе с зарплатой выходила неплохая сумма. Он даже начал откладывать.

А потом...

А потом его бац – и уволили! Десять лет назад. Уволили по сокращению штата.

– Еще скажите спасибо, Новиков, что я вас увольняю не в связи с утратой доверия, – надрывалась, орала на него жирная жаба и трясла бумагами. – Вот! Вот тут черным по белому написано, что из-за вас произошла та самая авария, за которую я до сих пор вам выплачиваю! Вы виноваты. А я плачу! Хватит уже, ну...

И выгнала за порог проходной, вручив скудное выходное пособие. И он, вернувшись домой, собрался помирать. А не сложилось. И потом он понял, почему.

Он должен отомстить этой гадкой женщине. Она должна заплатить за все, за все! За загубленные жизни его коллег, за его собственное загубленное здоровье. За вранье, за алчность, за многочисленные нарушения и беззаконие, творившиеся на заводе. Он должен ей отомстить.

Только как?! Как он мог это сделать, если возле нее постоянно охрана? Крепкие ребята – высокие, плечистые, во-

оруженные. Он их всех знал в лицо и почти всех по именам. Он умел наблюдать и оставаться невидимым. Умел...

Охранники часто менялись. Жаба постоянно была недовольна, выговаривала, ругалась, увольняла. Незаменяемыми в ее свите оставались лишь двое: сиделка Лиза и начальник охраны Гарик.

Гариком красиво его называла хозяйка. Так-то, по паспорту, он был просто Игорем. Игорем Степаненко. И начинал в грузчиках на заводе. Потом пробился, выполняя особые поручения хозяйки. Мало кто что знал об этих поручениях. А он знал! Много разных вещей он о них знал, наблюдая, записывая, систематизируя.

Может, сложись его жизнь иначе, он бы эти записи в полицию отнес. И добился бы справедливости. Но...

Но он точно знал, справедливости в этом мире нет. И жаба выкупит у полиции все его записи и сожжет на медленном огне, в котором будут тлеть и его кости. И будет оглушительно ржать, сотрясаясь всем своим мерзким жирным телом.

В его коленки уткнулся влажный нос его любимого Тоби. Безродная собака, которую он подобрал щенком много лет назад, стала его единственным верным другом. Стала членом его семьи. Должна была служить просто прикрытием в его ежедневных пеших прогулках, а стала другом.

– Ну, ты чего, Тоби? Чего? Гулять хочешь? Так были мы уже с тобой на прогулке. Забыл? Старенький ты у меня стал, Тоби. Забывчивый.

Забычивой стала и служанка жабы – Лиза. Верная служанка Лиза вдруг стала все забывать. Он не раз наблюдал за тем, как она путается с покупками. С названиями улиц, куда ей надлежало идти. И даже несколько раз предлагал ей услуги провожатого.

И к его радости, Лиза приняла его помощь. И даже сочла их ухаживаниями. В разговоре пыталась кокетничать, жеманно поджимала губы, строила глазки. Ему было на все на это плевать. Ему нужна была информация. О ее хозяйке, о ее сыне, о Гарике, о делах на заводе.

Лиза знала многое, но не всегда об этом догадывалась. Просто болтала, будто бы ни о чем, а на самом деле сливала ему весьма полезную информацию.

– Илюшенька, да, такой красавец стал. Весь в отца! Кудрявый, белокурый, на поэта похож. На этого, как его... – Лизино лицо становилось растерянным. Она принималась щелкать пальцами, пытаясь вспомнить, а ничего не выходило. – Еще про березу писал.

– Есенин? – подсказывал он, тоже считая сходство несомненным.

– Да! Точно! Есенин. Илюшенька прямо одно лицо. Кира Сергеевна в нем души не чает. И завод ему подарила.

Завод жаба подарить ему не могла. Он нашел информацию в интернете. Она по-прежнему числилась единственным владельцем контрольного пакета акций.

– Он когда на работу уезжает, мы с девочками его из окна

взглядами провожаем. Такой красавец! Такой красавец!

Девочками были две другие постоянные работницы по дому – горничная и кухарка.

– А он знает, что красивый, и пользуется этим. У него столько поклонниц!

Вот тут он не мог с ней согласиться. Илья себя по женщинам не разбрасывал. Был серьезен и сдержан на людях. И на заводе его хвалили. Уверяли, что он человечный. Гораздо лучше своей мамыши. Жаль только, в делах не особо разбирается.

А недавно Лиза обмолвилась, что у Ильи появилась постоянная девушка. Он как-то ее подвозил в спортивный зал, а Лиза неподалеку была и видела. Странно, что запомнила!

– Я ее почему запомнила, – принялась она объясняться, будто оправдывалась. – Девчушка эта больно на артистку какую-то похожа. Ну просто одно лицо! Маленькая, черненькая, стройная. И улыбка такая у нее ослепительная.

Восторгов по поводу новой пассии Ильи он не разделил. Обычная девчушка. Симпатична, пока молода. Ни породы, ни стати в ней не чувствовалось. Состарится, в толпе не найдешь. Станный выбор сделал сын жабы, подумал он тогда. И почти забыл об этом. И вдруг Лиза ему сегодня позвонила и нашептала на телефон такое!

– Ой, просто не могу, Иван Андреевич... Мне просто необходимо с кем-нибудь поделиться, – начала она разговор после того, как уложила хозяйку после обеда в кровать. – Тут

у нас такое!

– Какое?

– Илья свататься собрался сегодня к этой девушке.

– Хорошо. Это, наверное, хорошо, – сдержанно похвалил он. И добавил: – Когда у парня такие серьезные намерения.

– Да, но там что-то не то с ее отцом! – выпалила Лиза.

– Что не то?

– Я не знаю! Но Гарик примчался, весь с похмелья, чего давно не случалось. Он обычно отлеживается дня три. И они заперлись и проговорили час. А потом за обедом она проговорила, что Гарик едет с ними вечером к родителям девушки. Надо, мол, к папаше присмотреться. И все, больше ни слова. Вот бы узнать!

– Так и вы поезжайте, – подсказал он выход.

Честно? Ему была неинтересна женитьба Ильи. И девушка его тоже была неинтересна. Она была самой обычной. А что касается ее отца...

Так наверняка работяга, без денег, без положения, оттого и Гарик поутру примчался. Он должен был вмешаться. Должен был помешать этому мезальянсу.

Отвратительные! Какие отвратительные люди! Считают, что вправе вмешиваться в чужие жизни. Считают, что вправе переписывать чужие судьбы по своему усмотрению.

Когда же уже наступит возмездие?! Когда же уже им воздастся по заслугам?!

– Меня не берут, – вздохнула Лиза. – Она на меня вообще

смотрит с подозрением.

– Почему?

– Считает, что из ума выжила, – с грустью призналась Лиза. – Я, конечно, забывчива стала, не спорю, но не до такой степени, чтобы забыть, как я ее сама, своими руками в ванну сажала.

– Не понял.

Он улыбнулся, Тоби принялся лизать большой палец его ноги, отчаянно виляя хвостом. Ему было щекотно и приятно одновременно. Палец давно болел, и это было просто избавлением. Верный пес. Верный друг.

– Сегодня случай произошел курьезный, Иван Андреевич. – Лиза прокашлялась и понизила голос почти до шепота. – Я налила полную ванну воды. Помогла хозяйке туда влезть. Она еще при мне налила пенного концентрата. Сама всегда льет. Мне не доверяет. Он дорогой очень.

– И? – перебил он ее нетерпеливо.

Тоби звал на прогулку. Отчаянно тянул его за штанину.

– А потом захожу, а она в кресле возле окна сидит в халате. Я поначалу так растерялась. Подумала, что забыла ей воды налить и в ванну усадить. Даже плакала. А потом...

– Что потом? – Он вдруг заинтересовался.

– А потом, когда я помогала ей одеваться, то обнаружила, что волосы у нее на затылке мокрые. И пенный шлепок на спине засох. Не сполоснулся. Это было так странно! Я еле удержалась, чтобы не рассказать никому. Только вам это рас-

сказываю.

– А что же здесь странного, Лизонька? – поинтересовался он вкрадчиво, хотя уже понял.

– Так она не могла без меня и шагу ступить. На костылях же! Я ее и в ванну сажаю, и вытаскиваю оттуда. Всю спину, если честно, сорвала. А она, что же, получается, может обходиться без костылей?

– То есть, – у него подпрыгнуло сердце, заметалось, будто ему стало тесно в грудной клетке, – хотите сказать, она всех обманывает? Прикидывается инвалидом, а сама прекрасно передвигается и без костылей?

– Так... Так выходит, – почти неслышно закончила Лиза. – Что же мне теперь делать, Иван Андреевич? Теперь, когда я знаю об обмане?

– А ничего, – произнес он, раздумывая секунд десять, не больше. – Она обманывает вас, а вы обманывайте ее. Делайте вид, что верите ей.

Если только не забудет притворяться, подумал он вдогонку.

– Как-то это неправильно, – проговорила Лиза, помолчав. – Я не о себе. О ней. Почему она так со мной?

Потому что она чудовище! Потому что она не человек – монстр! Бездушный, бессердечный. Мракобесина, а не человек!

Но вслух он сказал иначе. Вслух он сказал:

– Потому что она хозяйка, Лизонька. И вправе поступать,

как пожелает.

– Наверное. Наверное, вы правы, – со смиренным вздохом согласилась она. – А я еще переживала, как она без меня сегодня вечером обойдется. Когда свататься поедут.

– А далеко едут? – зачем-то спросил он, хотя его это совершенно не интересовало.

Лиза назвала адрес, и оказалось, что это совсем рядом. Прямо буквально в их дворе, в относительно новом микрорайоне. Он его всегда обходил стороной. Не нравилось ему там. Слишком шумно, слишком нарядно.

– Квартиру не знаю. Знаю фамилию отца девушки. Пантелеев Иван Митрофанович. Да, кажется, так. И дочка Лада у него. Это не скрывалось. Обсуждалось вслух за обедом.

– Пантелеев? – Он неожиданно повеселел.

– Да.

– Иван Митрофанович?

– Это абсолютно точно. Я не забыла, – закончила она со смущением. – И дочка Лада.

Он еще поболтал с ней о пустяках, как мог, утешил. И поспешил проститься.

Ему стало жутко интересно, как станет сидеть за одним столом Кира Сергеевна с человеком, который на все лады проклинал ее в прошлые годы? Он немного был знаком с Пантелеевым Иваном. И даже однажды согласился принять участие в пикете, который тот устраивал с активистами. Но в последний момент передумал. И знал, что Пантелеев не уста-

вал строчить на жабу жалобы во все инстанции. Кто-то считал его смельчаком, кто-то дураком. Сам Иван держал нейтральную позицию. И почти не удивился, когда Пантелеева уволили. Более того, ходили слухи, что тому даже пришлось уехать из города, чтобы избежать судебного преследования. Жаба будто подала на него в суд за оскорбление чести и достоинства.

И что выходит: Пантелеев вернулся? Спустя много лет вернулся с повзрослевшей дочкой, которая влюбила в себя сына Киры Сергеевны? И сегодня вечером они встречаются, чтобы оговорить планы на будущее?

Бред! Это чистой воды бред! Если эта сука едет в гости к своему врагу, значит, что-то задумала. Она не может, она никогда не станет прощать обид, пусть даже и застарелых.

И опять эти костыли...

Если верить Лизе – это камуфляж. Зачем? На кого рассчитан? Знает ли сын, что мать здорова? Или, как и все, пребывает в неведении?

А тот человек, которого она в девяностые пустила по миру, оставила буквально на улице, он знает о ее художествах?

Как же его звали то...

Как же звали бывшего директора и хозяина, у которого Андреева Кира Сергеевна захватила завод?

Кажется, Иванов Олег Васильевич. Где он, интересно, сейчас? Что с ним стало?

Вот бы найти его и поделиться сведениями! Вряд ли он

забыл, что с ним сделали в девяностые. Вряд ли он простил!

Глава 5

– Олег, идем обедать.

В дверь его кабинета заглянула жена, призывно махнула рукой, улыбнулась. Она не боялась прервать его, отвлечь, входила и выходила без предупреждения. Не опасалась его недовольства или гнева. Она знала – ей все простится. Ей все позволено в его доме.

Она была молодой, красивой. Она была второй его женой. И вот-вот должна была родить ему ребенка. Девочку. Так сказали на УЗИ, где он присутствовал. Глядя в монитор на крохотное существо, смешно растопырившее пальчики, он не выдержал и расплакался. Это было такое чудо, такое таинство, это было нечто, что понять не в силах был даже самый просвещенный ум.

Да, физиология процесса давно изучена. Все ответы получены. Ответы на все вопросы, кроме некоторых...

Почему Бог кому-то дает дитя, а у кого-то забирает? А кому-то и вовсе не дано вкушать радости – нянчить собственное чадо. И они – эти несчастные – мечутся по врачам, лечатся, платят деньги, разочаровываются, страдают. И ничего не выходит.

Кто там наверху этим всем распоряжается? Кто сделал так, что у него с его первой женой все четыре попытки закончились неудачей, а со второй женой вышло все сразу и

быстро?

Может, так и должно было быть? Дочка его должна была родиться именно от этой миловидной русоволосой женщины с простым русским именем Мария?

Ведь он даже и не думал ни о чем таком серьезном, когда начал с ней встречаться. У него после смерти жены были женщины. И не одна, и не две. Он наряжал их, возил за границу на отдых, на показы модной одежды. Но ни одна не затронула в его душе той сокровенной ноты, от которой душа поет. Ни с одной из них он не захотел просыпаться по утрам в одной постели. Все его свидания проходили в отелях или на территории женщин, откуда он торопился уйти.

И вдруг встретилась Маша. Обратилась в его юридическую контору по какому-то пустяковому вопросу. У нее случились какие-то натянутые отношения с банком, в котором она кредитовалась. Банковские работники потом дружно извинялись. И даже пошли на какие-то финансовые уступки ей как клиентке.

Да так, пустяковая история. Выеденного яйца не стоила. Но Маше пришлось повторить ее трижды, прежде чем он вник. Он просто не слышал ее! Смотрел, как шевелятся ее губы, как мечутся ресницы, как она поворачивает голову, тербит кончик русой косички, переплетает пальцы. Смотрел и не слышал. И очень не хотел, чтобы она уходила.

И поэтому, невзирая на недоуменные взгляды коллег, взялся за ее пустяковое дело. Разумеется, выиграл его. И вы-

играл Машу. Потому что брак с ней он не чем иным, кроме как выигрышем не считал.

Ему повезло! Просто очень крупно повезло. Она не была избалованной, она была девушкой из очень простой семьи. Она не была отполированной косметологами красавицей, она была просто милой. Естественные губы, настоящие брови, ее собственная грудь и ноги. Она очень правильно и разумно рассуждала. И именно она настояла, чтобы он стал работать дома.

– Понимаешь, Олег, мне одной этот огромный дом не нужен. И детям нашим без тебя он не нужен будет тоже.

– А у нас будут дети? – уточнял он с улыбкой.

– Конечно! А как же без них? – совершенно искренне изумлялась она.

Так вот Маша считала, что как ей, так и детям будет очень важно знать, что папа дома. Да, он там, за закрытой дверью, и надо сидеть тихо, и не шуметь, и не надоедать ему. Он сам решит, когда его рабочий день закончится.

Но он дома.

– Я хочу, чтобы ты все тут контролировал. Меня, детей, – поясняла она.

У него, как у матерого юриста, закрадывались мыслишки, что Маша, как всякая мудрая женщина, пытается таким образом контролировать и его. Но мысли те не нашли подтверждения. Все его деловые встречи, совещания, заканчивавшиеся далеко за полночь, никогда не вызывали в ней ис-

теричного интереса.

Она с пониманием кивала и просила не нервничать. А утром, если он заспался, ходила на цыпочках.

Ему с ней очень повезло.

– Что у нас на обед? – спросил он, заходя в столовую. – Чем порадуешь?

Маша готовила сама. Справлялась великолепно. Каждый раз осваивала что-то новое. Обязательно полезное.

– Суп-пюре овощной с гренками, – начала перечислять она, размахивая половником. – Паровые котлетки, рис. Кисель.

– Клюквенный? – зажмурился он от предвкушения.

– Клюквенный. К столу?

Он уже уселся. Развернул салфетку и с улыбкой наблюдал, как она передвигается по кухне, осторожно обнося живот мимо острых углов.

Все тарелки встали в ряд перед ним. Маша села напротив. И неожиданно опустила глаза.

– Что? – насторожился он сразу. – У нас на обед есть что-то еще?

Они уже научились понимать друг друга без лишних слов и объяснений.

– Да, – произнесла она виновато. – У нас на обед есть твой двоюродный брат. Вот-вот подъедет.

Он не произнес ни слова и попытался как можно быстрее покончить с едой. Потому что знал: после визита родствен-

ника аппетита не будет.

– Поддай нам кофе в кабинет, пожалуйста, – попросил он, успев расцеловать жену и поблагодарить за вкусную еду. – Проводи сама. Не хочу встречать его у порога.

– Почему?

– Тошнит, – признался он нехотя. И добавил: – Тошнит от воспоминаний.

Она не стала задавать ему лишних вопросов. А он и не стал бы ей рассказывать, что его брат, всякий раз приезжая, привозил в его дом дурные вести.

Олег встречает его на пороге с доброй улыбкой, руку ему протягивает, а он с порога:

– Пока ты был на отдыхе, у тебя забрали завод, Олег! Но я тут ни при чем! Я не знал! Эта сука и меня выгнала и сказала, что пацана не от меня родила...

Или:

– Олег, прости, но твою жену нашли мертвой. Тебе надо подъехать в морг на опознание. Я за тобой...

Или:

– Олег, помнишь свое последнее дело в суде? Так вот у серьезных ребят есть к тебе вопросы. Поехали. Они жаждут говорить с тобой...

Он просто стал для него вестником беды.

И, закрывшись в кабинете после обеда, Олег мысленно перелопатил все свои дела, чтобы быть готовым к очередным гадким новостям. Хотя ничего такого и не нашлось, он все

равно сидел настороже.

– Что ты мне привез на этот раз? – ответил Олег вопросом на скупое приветствие кузена. – Что опять у меня стряслось? О чем я не знаю, а?

– У тебя все в порядке. В полном порядке, Олег. – Николаша топтался у порога, не решаясь войти без приглашения. – У меня неприятности.

– Да ну! – насмешливо произнес Олег.

И смерил оценивающим взглядом своего двоюродного брата. Какие еще могут случиться неприятности у опустившегося вдрызг человека? Что еще он может добавить к пустому кошельку, язве желудка от постоянного злоупотребления алкоголем, захлюстанной комнате, в которой даже мышей не водились – им было противно. Что еще?

– Не надо так, Олег, – попросил жалобно Николаша. – Можно войти?

– Ты уже вошел, – жестко отрезал Олег.

– Ну... Сесть-то можно?

– Удивляюсь, как ты еще не сел до сих пор, – произнес он с тяжелым вздохом.

– Ну, это только благодаря тебе, брат, – с фальшивой благодарственной улыбкой проговорил Николаша.

И осторожно, на цыпочках пошел по его ковру к уютному кожаному креслу возле книжного шкафа. Уселся. Сложил руки на коленях. Глянул на Олега затравленным взглядом.

– Илюша женится.

– Илюша? Кто такой Илюша?

Олег наморщил лоб, будто пытался вспомнить. Хотя прекрасно понял, о ком речь. Николаша, окончательно пропивший все мозги, тут же принялся ему объяснять.

– Илюша – это мой сын, которого жирная сука родила со мной в браке двадцать восемь лет назад. И которого назвала не моим сыном. То есть сказала мне, что это не мой ребенок. Но он рос и все больше становился похожим на меня. А сейчас стал вообще моей копией.

– Упаси, Господи! – не хотел, да воскликнул Олег, выразительно рассматривая залоснившиеся штаны на коленках брата.

– Да я не об этом, – тот вдруг застыдился и закрыл грязные пятна на штанах ладонями. – Я о внешности. Он точь-в-точь как я в молодости. Такой же белокурый, кудрявый, высокий.

– И слышал я, умницей вырос. В отличие от его папаши, – заметил Олег и полез в стол за сигарой.

Он давно уже не позволял себе курить здесь. В доме находилась беременная Маша. Она запах табачного дыма не выносила. Но не сдержался. Присутствие Николаши действовало на него удручающе. Не выпить и не закурить, глядя на него, было невозможно. Для алкоголя было еще слишком рано, а вот для сигары в самый раз.

– Умница, да. Илюша – моя гордость. – Николаша вдруг приосанился, улыбнулся забытой улыбкой, намекающей на его достоинство. – Я хоть и не вижусь с ним, но все его ходы

отслеживаю. Все!

– Ух ты! Каким же образом? Ты же из комнаты не выходишь, с постели не слезаешь. То напиваешься, то отсыпался.

– Это ты так думаешь, – вдруг с легкой обидой произнес брат. – А всё не так.

– Всё? – насмешливо поднял бровь Олег, постепенно занавешиваясь от брата дымовым облаком.

– Ну, или почти всё, – не стал тот спорить.

– Ладно, проехали. Так какие ходы своего Илюши ты отследил, Николаша?

– Он женится! – вытаращил глаза брат.

И явно перестарался. Глаза тут же сделались красными, заслезились. Он принялся их тереть. Чертыхаться.

– Пусть женится. Дело хорошее.

– Да, хорошее. Только вопрос в том: на ком он женится?

Николаша вдруг вскочил с любимого им кресла и принялся, не стесняясь своего неряшливого облика, метаться по его кабинету. Ловил раскрытым ртом табачный дым, надсадно кашлял, но его это, кажется, вовсе не волновало. Он был чрезвычайно встревожен.

И Олегу передалось.

– Так, сядь на место уже. И давай по порядку. Что ты как курица! – Он затушил сигару. Помахал руками в воздухе, разгоняя дым. – Ну! Что не так в его женитьбе?

– Всё! – воскликнул брат, снова опускаясь в кресло.

– Конкретнее. Девушка уродина? Наркоманка? Алкоголичка? Или больная неизлечимо?

– Нет, девчонка ладненькая. Даже имя у нее подходящее – Лада. И не больная. И вредных привычек не имеет. Наоборот, спортивная такая. Учится в университете на «отлично».

– Ну! И что тебе не нравится?

– Родители, – произнес, понижая голос до трагических нот, Николаша.

– А с родителями что не так? Чем они тебе не нравятся? Не соответствуют?

И он снова не хотел, да смерил насмешливым взглядом брата, опустившегося за минувшие годы ниже некуда.

– Из родителей один отец, – проговорил Николаша тихо и опустил голову. – Но какой!

– И какой же? Крутой?

– Я не знаю, кто он! Вообще не знаю, кто это!

– То есть? Ты чего мне тут голову морочишь?

Олег моргнул. И вдруг подумал, что Николаше просто нужны деньги на выпивку. Он с тем и пришел. И сейчас играет в какую-то нелепую игру. Пытается давить на жалость.

– Так, всё. Хватит! Ступай отсюда. Денег не дам. – И он указал ему подбородком на дверь.

– Ты дослушай до конца, Олег, – произнес брат с обидой. – И деньги мне не нужны. Я вчера пособие от жирной суки получил. Она же, помнишь, платит мне?

Он забыл. Он и про брата не помнил, пока тот в его дверь

не поступался. Слишком все хорошо у него было в последнее время. Слишком. И он не хотел, чтобы было иначе. А Николаша сейчас пытается ему навязать что-то извне. Что-то противное, чуждое ему.

– У тебя пять минут. Время пошло. – Он глянул на настенные часы. – Мне надо работать. Говори, что тебе конкретно нужно, и уходи.

– Мне нужно, чтобы ты пробил ее отца. По своим каналам. У меня, сам знаешь, нет такой возможности.

– Зачем?

– Затем, что ее отец Пантелеев Иван Митрофанович.

– И? Что с ним не так? Пантелеев и что?

– А то, что его не должно быть в принципе!

– В смысле? Мешает он тебе, что ли?

– Да нет, Олег, как ты не поймешь?!

И он так глянул на него... С таким недоумением. Будто сомневался в его компетенции, а заодно и в здравом смысле. Даже устыдил, честное слово.

– Его не может быть в принципе, потому что Пантелеев Иван Митрофанович давно исчез. Я был с ним знаком. Он работал на заводе. На твоём заводе. Неужели ты его не помнишь, Олег?! Ты же с ним за руку здоровался. Он профсоюз пару лет возглавлял. Инициативный такой мужик.

– Пантелеев... Помню.

И он правда его вспомнил. Потому что уважал его за принципиальность. Считал умным, порядочным.

– Такой невысокий, щуплый мужик.

– Ага. Точно. Такой. А теперь взгляни на это.

Николаша сунул руку в задний карман штанов и вытащил оттуда фотографию. Олег удивился качеству снимка. Хорошая печать, качественная съемка.

– Кто это? – спросил он, рассматривая высокого худощавого мужика, чье лицо было изрыто морщинами.

– Это отец моей будущей невестки – Пантелеев Иван Митрофанович. – Николаша беззвучно шевельнул губами и добавил: – Якобы.

– Погоди, погоди... – Олег с недоумением трепал фотографию в руках. – Но это же совершенно другой человек.

– Я о том же, – поджал брат скорбно губы.

– Но это нам о чем говорит?

– И о чем же?

– О том, что это полный тезка того человека, которого мы с тобой знали. Только и всего. – Олег положил фотографию на стол и кончиками пальцев пододвинул ее к краю. – И не надо ничего придумывать и воздух сотрясать.

– Это не тезка, Олег! – непроизвольно повысил голос Николаша. – Это он! Это не тезка никакой. Мои знакомые уверяют, что и дата рождения совпадает. Разве такое возможно?

– Возможно все, – с некоторой неуверенностью возразил Олег. И снова взглянул на снимок. – Да... Подрасти так за минувшие годы он не мог.

– Не мог.

– И внешность настолько поменять тоже.

– Тоже.

– А что ты там мне рассказал про нашего Пантелеева? Про того, которого мы знали? Он что – давно исчез? Как это?

– Ты себя не помнишь в те дни, когда эта сволочь у тебя завод отжала. Я это прекрасно понимаю. Шутка ли – лишиться дела своей жизни. Бизнеса, который сам строил!

Олег недовольно поморщился. Завод ему, если к слову, тоже не совсем честно достался. Да, сил и средств было вбухано туда немало, но что уж греха таить, тоже рейдерским путем он его захватил со своей командой. Сначала он, потом у него.

Но он промолчал. Позволил Николаше дальше развивать свою мысль.

– Когда она стала хозяйкой, Пантелеев ее сразу принял в штыки. Профсоюз она разогнала. Его требования оставляла без внимания. Все жалобы Пантелеева в прокуратуру выкупала. А стачки, которые он организовывал, разгоняла с помощью силовиков. Ты этого не знал. Ты уже занялся другим делом.

Николаша поджал губы будто бы с обидой. Он ведь знал, что Олег в те дни пил безбожно. Он не упрекал, конечно, нет. Не имел права. Он просто относился к этому с пониманием. А вот его никто понять не желает. Он, может, тоже с беды пьет. С большой беды. Пусть давно, ну и что! Она же

не растворилась в воздухе, не прошла – его беда.

– Что стало с Пантелеевым, Николаша? Хватит тут мне воду лить. Время идет. Мне надо работать, – недовольно проговорил Олег.

А про себя подумал, что вряд ли теперь станет работать. Мысли пойдут в другом направлении. Мысли вернутся в прошлое, которое нет-нет, да уколет.

– Пантелеев после одного такого скандального случая просто исчез.

– Как это?

– А вот так! Исчез, и всё. Будто его и не было. По документам на заводе числится уволенным. Из квартиры выписался. Семьи у него не было, если помнишь.

Не помнил. И головой мотнул.

– Он был один. И он исчез.

– Ну, может, просто уехал? На самом деле взял расчет, выписался из квартиры и уехал. Что тебе не нравится?

– А то, Олег, мне не нравится, что спустя столько лет он вдруг объявляется преобразившимся. Сильно преобразившимся! С какой-то дочерью, о которой никто никогда не слышал. И которая вдруг собралась замуж за моего сына!

– Так бывает, – неуверенно перебил его Олег.

– Ага... Бывает... И именно по этой причине моя бывшая жена отправляется сегодня к ним знакомиться в сопровождении своего верного пса – Гарика.

– Не вижу в этом ничего странного, – пожал Олег плечами.

– Не меня – отца – позвала, а ищейку свою, которая уже давно ничем серьезным не занимается. Пьет беспробудно.

– Погоди, погоди! – Олег развеселился и погрозил ему пальцем. – Так тебя закусило, что тебя не позвали? Что твое место занял Игорь Степаненко?

– Он никогда не был на моем месте, понял?! – подскочил Николаша. – Он никогда не занимал моего места. Он не спал с ней.

– Почему?

– Потому что... Может, брезговал! Может, не смел! У него спроси. Но то, что он сегодня едет туда, это... Это говорит о многом, Олег. – Николаша застыл посреди его кабинета, уставился на него широко распахнутыми, несчастными глазами. – Это говорит о том, что они тоже что-то такое подозревают. Что-то связанное с Пантелеевым.

– Намекаешь на причастность Степаненко к исчезновению Пантелеева?

– Я не намекаю, брат...

Николаша осторожными шагами приблизился к его столу. Оперся ладоням о край. Наклонился к нему ближе. И Олег удивился, что от него достаточно приятно пахнет. Мылом, туалетной водой, дезодорантом. Даже ветхая одежда не воняет.

– Я не намекаю, я совершенно точно знаю, что Гарик убил его! Убил и тело спрятал. Поэтому его никто и не нашел.

– Его не искали, – возразил Олег.

– Не искали, – согласно кивнул Николаша. – Но Гарик его убил. И теперь он вдруг воскрес. Возраст тот же. Имя, фамилия, отчество те же. Но внешность другая. И дочь. Откуда дочь? Я хочу на него взглянуть, Олег. Очень хочу!

– А я тебе разве запрещаю?

Он забеспокоился. Николаша смотрел ему в глаза. Он протыкал насквозь его зрачки своей невыговоренной просьбой. Но он, кажется, уже догадался, о чем тот его станет просить.

– Нет, Николаша!

– Олег! Пожалуйста! Я разве часто о чем-то просил тебя?! Вспомни! За последние годы ни разу!

Это было правдой. Дурные вести – да, приносил. Просил крайне редко.

– Сопроводи меня сегодня туда, пожалуйста! Хочешь, на колени встану?!

– Прекрати, – прикрикнул Олег. – Почему я?

– Меня туда не пустят одного. А с тобой...

– Представляешь, что с ней станет, если я туда войду? – скривил лицо Олег. – Мы же враги с ней!

– И на это я хотел бы взглянуть тоже. На ее рожу! Очень хочу взглянуть, что с ней станет, когда в квартиру, где она обсуждает будущее моего сына, войдут сразу два ее врага...

Глава 6

Он очень изменился за последние месяцы. Это заметили все. Соседи, с которыми он всегда был дружен. Дети, которых он обожал. Коллеги по работе, он был с ними сдержан, но всегда вежлив.

– Сильно сдал, Петрович, – вздыхали с сочувствием соседи, глядя ему в спину. – Без Татьяны совсем сдал.

– Да, сдулся наш Петрович...

Дети за глаза не говорили ничего. Они приставали к нему день и ночь, советуя психологов. Навязывали на выходные внуков, раскладывали по его опустевшей без жены квартире всякую поучительную литературу. И звонили, звонили без конца.

Они не раздражали его, конечно нет. Он обожал их – и сына, и дочку. И внуков своих обожал так, что в груди сдавливало. Просто иногда ему хотелось побыть одному. Одному! Долго! Хотя бы два дня.

Но дети считали, что одному ему оставаться опасно. Он станет много думать в одиночестве. Не о хорошем думать, а о смерти. И это неизбежно приведет к депрессии. Так нельзя.

Коллеги не считали, что он сдулся, что утратил профессионализм из-за горя, что его подкосило как-то вдруг и сразу. Они считали, что у него сильно испортился характер. Он перестал шутить, улыбаться. Стал жестким, неразговорчивым.

А дела...

Дела он, как вел успешно, так и продолжал вести. И не то чтобы дни считал до пенсии, но ждал ее. Очень ждал. Чтобы побыть одному, в тишине и покое. На даче, где они жили с Таней последние годы безвылазно. Очень ему туда хотелось. Дети не разрешали.

– Нечего, пап, там тебе делать, – отрезала дочка, когда он заикнулся месяц назад. – От тоски выть? Успеешь еще. Вся старость впереди.

– Правда, батя, не стоит, – смущался сын, который никогда ему не давал указаний. Даже советовать опасался. – Тут ты рядышком. Мы рядышком. Бам-сс, и приехали, если что!

Вот этого «если что» Петрович боялся меньше всего. Он после ухода Тани вообще теперь ничего не боялся. В вопросах, которые касались его лично. За детей и внуков, конечно, он переживал и очень боялся. А за себя...

Плевать ему стало на себя без Тани. Плевать! Потому и запустил радикулит, который скрутил его на сороковой день после ее гибели. Скрыл ото всех, через страшную боль передвигая ноги. Не прокололся лекарствами. Не прошел курс массажа, как обычно. И вот теперь пожинал последствия.

Утром у него иногда даже слезы выступали, когда он пытался встать с кровати. Тело не слушалось. Боль скручивала поясницу. Стреляла в ноги, локти, шею. Он валился на подушки. Начинал глубоко дышать, снова пытался подняться. Дотягивался до обезболивающих таблеток, которые остав-

лял с вечера на тумбочке. Бросал пару под язык и ждал.

Через несколько минут боль притуплялась. Он вставал и шел в ванную. Там долго тер спину жесткой мочалкой, потом полотенцем. И завтракать шел уже молодцом. Но повторения болевого приступа ждал все время. Он мог его скрутить и в лифте, и за рулем, и на работе. И этого он очень боялся. Потому и стал угрюмым, молчаливым и необщительным.

Сегодня ночью ему приснилась Татьяна. Она привычно лежала рядом слева, гладила его по плечу и уговаривала сходить в поликлинику. Он должен был сделать снимок и показаться врачу.

– Стану я в очередях простаивать, – заспорил он с ней, хотя понимал, что не должен ей перечить, это неправильно, она уязвима.

– Так сходи в платную клинику, Сереженька. Запишись заранее. Сделай снимок сначала, а потом с ним уже на прием. Поделаешь уколы, массаж. И все пройдет. Ну не могу я видеть, как ты мучаешься. – Ее прекрасные голубые глаза наполнились слезами. – Мне от этого так больно, Сереженька! Мне от этого так здесь больно...

Он проснулся в слезах. И даже резко поднялся с кровати, почти не почувствовав боли. И тут же в его прагматичном, атеистическом мозгу поплыли странные мысли.

А вдруг там и правда что-то есть? Вдруг она видит его мучения и страдает? И сон – это не вымысел, а послание? Ее послание.

И еще стоя на светофоре, он из машины позвонил в клинику неподалеку от его работы и записался на рентген. И следом на прием к врачу. И даже повеселел настолько, что удивил дежурного в отделе своей прежней улыбкой и какой-то смешной шуткой, на которые он прежде был горазд.

– Выздоравливаешь, Макашов? – пристально глядя на него после утреннего совещания, спросил начальник отдела полиции.

– В каком смысле, товарищ полковник? – спросил Сергей.

И про себя подумал, что он только-только собирался диагностироваться и пройти курс лечения.

– От боли своей душевной, майор, – проворчал полковник, опуская глаза. – Это хорошо. Жизнь, она продолжается.

– Так точно, товарищ подполковник, – с мягкой улыбкой отозвался Макашов.

Начальник никогда после ухода Татьяны не заводил с ним душещипательных разговоров. Не ругал и не жалел особо. Просто не трогал его до поры до времени. Сегодняшнее утро счел для подчиненного пробуждением, возвращением к жизни.

– В общем, так, майор. Принимай пополнение. – Полковник держал в руках тонкую папку с личным делом. – У тебя ведь уволились сразу двое сотрудников, так?

– Так точно.

– Один на пенсию вышел. Второй на вольные хлеба. Денег мало ему тут, видишь ли, платят. Но я-то знаю, что ушел он

из-за тебя. – Полковник глянул на Макашова исподлобья. – Жестко ты с ним будто обошелся.

Сергей молчал.

– Не давал мзду брать за переквалификацию дел. – В ответ на удивленно вскинутые глаза Сергея полковник хмыкнул. – Я все знаю, что творится в моем отделе, майор. Все! Потому и держать этого мздоимца не стал. Нам с тобой немного до пенсии осталось, и такие ушлепки нам не нужны. И никому не нужны. Потому и держать его не стал. И наверх доложил, что у парня проблемы со здоровьем. Хотя проблемы у него с головой. Н-да... Двоих, конечно, я тебе обещать не могу. Но вот одного сотрудника тебе выбил. Переманил, так сказать. Должен тебе подойти по всем параметрам. Опыт. Характер. Хватка. Интуиция. Всего навалом. Пользуйся...

Майор Макашов тут же подумал, что человека, которого переманил полковник, будут готовить на его место. Ему до пенсии, так сказать, два понедельника, а преемника нет. Но полковник, угадав его мысли, замотал головой.

– Нет и еще раз нет. С жильем у человека проблемы после развода, а у нас квартира ведомственная освободилась. Вот и сошлись наши интересы. А тебя я отпускать не собираюсь, майор. Да и сам пока послужу. Все, ступай, знакомься.

Пока он шел к своему кабинету, думал, что со своей болячкой совсем перестал следить за содержимым «кофейной» тумбочки. Так они в отделе называли место, где хранились запасы кофе, сахара, чая, крекеров или безвкусных хлебцев.

После увольнения коллег по отделу он туда даже не заглядывал. Не пил ни чай, ни кофе. Не хотелось. Воды мог из графина налить в стакан, и всё. Сейчас бы кофеек не помешал. Под разговор с новеньким.

Дверь его кабинета распахнулась прямо перед его носом, и оттуда выскочил следак Володин – известный бабник.

– Петрович, ну, блин, тебе подфартило! – протянул он, восторженно закатывая глаза и выставляя два оттопыренных больших пальца. – С тебя простав!

И умчался, чему-то хмыкая.

Вот сразу заныла душа у Макашова. Еще не входя в кабинет, почувствовал какой-то подвох. Не мог Володин восторгаться мужиком. Ни за что не мог. Неужели полковник ему в отдел бабу подсунул?! Он же...

Да он уволится тогда сразу, и всё! Ему сопли вытирать некогда. И падающих в обморок барышень ловить недосуг, когда на разложившийся труп выедут. Бабам, то есть, пардон, женщинам в его отделе не место. И точка! Пусть вон Володин ее себе забирает, раз в таком восторге.

– Добрый день, – буркнул Сергей, входя в кабинет. – Майор Макашов. Сергей Петрович.

Высокая, худая. В темных свободных брюках, черных ботинках на тонкой подошве, водолазка серая. Она стояла возле окна, спиной к двери, когда он вошел. И не поспешила повернуться, что-то делала на подоконнике.

– Добрый день, майор. Капитан Янсонс. Эвелина Ян-

сонс, – уточнила она с легким акцентом. – Можно – Эва. Так проще, короче, удобнее.

Она повернулась, и он неожиданно понял Володина, восхищенно закатывающего глаза после знакомства с капитаном Янсонс.

Она не была шикарной красавицей, вовсе нет. Но было в ней что-то будоражащее, притягивающее с первого взгляда. Острый нос, острые скулы, тонкие губы и узкие глаза темно-серого цвета. Ресницы и брови белесые. Она не делала попытки их подкрасить, прекрасно зная, что это ее не портит. Гладко зачесанные назад белокурые волосы, собранные самой обычной резинкой на макушке в хвост. Длинная шея, обтянутая узким горлом водолазки. Узкие плечи, маленькая грудь, тонкая талия, длинные ноги.

Худая. Даже не стройная, худая. Или слишком спортивная, что делу не помешает. Так он думал, пожимая протянутую женскую руку. А вот что помешает, так это ее взгляд. Слишком...

Слишком понимающий! Просто влезает под череп и роется там, роется. И ухмылка едва заметная. Тоже со значением.

– Кофе, майор?

Эва отступила чуть в сторону, и он увидел на подоконнике кофейный аппарат. Недорогой и неновый, но самый настоящий, из которого уже набежало две чашки чернейшего кофе.

– Не откажусь. Откуда машина? – Он взял из ее рук чашку. Втянул ноздрями аромат. – Замечательно пахнет.

– Машина с прежнего места работы. Покупала сама. Сама и забрала, – ответила она запросто, усаживаясь на край своего теперь уже стола с кофейной чашкой в руке. – Оставлять было некому.

– Почему? А как же коллеги? Оставить добрую память о себе, а? – Он осторожно улыбнулся, осторожно присел, чтобы не охнуть от боли и не оконфузиться с первой минуты.

– Бывшим коллегой стал мой бывший муж. Потому и уволилась. Работать в одном отделе невозможно. Пошла конкуренция. Подставы. Знаете, как это бывает.

– Не знаю. – Он тихо стонал про себя, поясница прострелила так, что на спине и на лбу высыпал пот. – Не доводилось работать с бывшей женой. Я с ней просто жил. Дома. Пока...

– Да, я знаю. Вы вдовец, – перебила она его жестко. – Ну, а у меня вот так. Проработали бок о бок десять лет. Семь из них были женаты.

– Чего расстались? Из-за кресла начальника?

– Нет. Из-за задницы дочери начальника отдела полиции, – ухмыльнулась она глумливо. – Я таких вещей не терплю. Ушла. И кофейную машину забрала. И ту, что на четырех колесах. А квартира его. Тут жилье предложили. Я согласилась. Далеко от прежнего места. Это устроило.

– Стало быть, ваш муж изменил вам с дочерью начальника, а вы не простили? Так я понял?

Ему почему-то хотелось вывести ее из себя. Все равно как. Даже такими вот ненужными в работе вопросами.

Но она не повелась. Легонько дернула плечами. Равнодушно мотнула головой.

– Нет, не так. Мы развелись легко. И даже работали еще какое-то время вместе. И мне было плевать. И ему тоже. Ей – нет. Она ревновала. Начала... Ой, да не важно это все. – Она поморщилась, будто откусила кислого. – Теперь я здесь и крайне этому рада. У вас хорошая репутация, товарищ майор. Вы профессионал. И это важно.

– Спасибо. – Он неожиданно смутился такой незамысловатой похвале, без единого намека на лесть.

– Какие дела у вас сейчас в производстве? Есть что-то...

– Никак нет, капитан Янсонс. – Он сделал попытку улыбнуться, но боль в спине парализовала, кажется, все лицевые мышцы. – Два грабежа, но наметки и подозреваемые уже есть. Убийство на бытовой почве. Подозреваемый уже в камере. Удивительное дело, но мы будто подготовились к вашему приходу. Чтобы вам начать с чистого листа. Чтобы дать вам возможность показать себя.

– Я не подведу, майор, – с легким намеком на высокомерие ответила Эва. Прыжком соскочила со стола и подошла к нему. – Что со спиной, майор?

– Что?!

Он отшатнулся со странным чувством. Он будто испугался, что она сейчас нападет на него. Отшатнулся и тут же застонал вслух. И прошептал, хватаясь за мокрый лоб:

– Черт!

– Так что со спиной?

– Радикулит. Уже второй месяц.

– Чего в больницу не идете? Времени нет? – Эва потянула его за рукав. – Встаньте.

Он через силу встал. Она потащила его на середину кабинета, внимательно наблюдая, на какую ногу он припадает. Потом повернула к себе спиной, пропустила свои руки, сцепив их на его животе. Схватила так, что ему дышать стало нечем. И неожиданно его ноги повисли в воздухе. И следом в его спине что-то произошло. Какое-то болезненное растяжение. И раздался громкий щелчок. Он мог поклясться, что он раздался в его затылке. На какой-то момент у него потемнело в глазах. И следом наступило облегчение. Невероятное, как в юности, когда в организме ничего не ныло и не болело.

– Твою мать, а! – выдал он, шагнув к своему столу. Тут же смущенно глянул на Эву. – Извините.

– Ничего, ничего, валяйте, майор. Я тоже много разных слов знаю. Работала десять лет в мужском коллективе. Так как спина?

Он дошел до стола. Осторожно начал садиться, прислушиваясь к себе. Ждал возвращения боли. А ее не было!

– Все нормально, – удивленно глянул он на нее. – Но как?

– Бабка... Моя бабка жила под Ригой. Всю свою жизнь помогала людям. У нее были волшебные руки и великолепная интуиция, – с классическим прибалтийским акцентом произнесла Эва. – Кое-что мне передалось.

– Интуиция?

– Возможно.

– Полковник сказал, что у вас великолепные, – передразнил он ее акцент, – показатели.

И тут же перепугался, что она обидится. Он же просто пошутил. А она не обиделась. Рассмеялась. Тихо, красиво.

– К вам возвращается чувство юмора, майор. Это здорово. Меня ведь предупредили о вашей угрюмости, приобретенной после утраты. А вы шутить изволите.

Он кивнул и полез в бумаги. Она смущала его своим острым взглядом и унаследованной от бабки интуицией. Всё-то она про него чувствовала. Первый человек после Тани.

– Слушайте, Сергей Петрович. – Эва заняла место за своим столом. – А давайте на «ты»? Не люблю выкать человеку, который, возможно, станет спину мою прикрывать.

– И чью спину ты только что прикрыла, – снова пошутил он и кивнул. – Я согласен.

– Итак, что мне сейчас делать? Вижу, отчетов скопилось? Я начну?

– Угу...

Он уже листал папки. Отчетов в самом деле скопилось много. Он один остался. Двое уволились. Не мог же он все успеть!

Они не проронили ни слова до самого обеда, работали. Вместе ходили на обед в их столовую при отделе. Макашов ловил удивленные взгляды. Володин не скрывал зависти

и восхищения, облизывая взглядом высокую худую фигуру Эвы. Она на него не обращала никакого внимания, и Макашову это нравилось.

После обеда они снова погрузились в бумаги. И он даже на какое-то время сумел позабыть, где работает. Размечтался до того, что сейчас по звонку встанет со стула. Выйдет на улицу. Сядет в машину и поедет...

Да все равно куда. Может домой поехать, а может к детям. Внуки обрадуются. Он может даже отпустить взрослых куда-нибудь. На вечерний сеанс в кино. Или на ужин в ресторан. Они об этом часто мечтали, он знал. Татьяна их баловала, отпускала часто. К нему таких просьб не поступало. Только выходные он посвящал внукам, и то с тайной неохотой.

А сегодня можно. Сегодня у него выдался хороший день. Спокойный. И спина не болит.

Они попрощались на стоянке, пожав друг другу руки. Ее рукопожатие было крепким, почти мужским.

– Спину не застужать, – почти командным голосом порекомендовала Эва, забираясь в свою машину. – Остерегайтесь сквозняков.

– Есть, командир, – пошутил он. – Ну что, до завтра?

– Хотелось бы. – Она глянула в небо. – Но чудится мне, день сегодня будет долгим. И мы еще увидимся.

И уехала. А он, как дурак, стоял на стоянке возле своей машины, таращился в небо и все пытался там рассмотреть

то, что увидела она. Обычное весеннее небо. Прозрачное, чистое. Никаких тайных знаков. Никаких сгущающихся туч на горизонте. Ничего. Чисто.

Но подлый звонок все равно прозвонил. Он только домой зашел, приехав из супермаркета, где закупал продукты на случай, если внуки к нему приедут среди недели. И подарки на случай, если сам к ним в гости отправится вдруг.

Он даже пакеты толком не успел разобрать, когда зазвонили из дежурки.

– Сергей Петрович, у нас убийство, – дежурный продиктовал адрес.

– Чёй-то стрелять-то уже стали белым днем. – Он покопился за окно. Там только-только брезжили сумерки.

– По ходу заказное. По информации, стреляли с крыши. Стреляли в группу людей, прибывших в гости. Подробностей не знаю. Ваша новая коллега уже выехала на адрес. Эксперты и прокуратура вот-вот подъедут.

– Считай, что я уже там.

Макашов с силой смял плюшевую собачку, которую купил младшему внуку, и запустил ее в угол. Привычное раздражение, вызванное поздним звонком. Привычное напряжение от известия о происшествии. Тут же, с ходу, принялся набрасывать план действий. Сразу же понял, что дело простым не будет, раз стреляли с крыши в людей, которые приехали в гости к кому-то. Заказ?

– Однозначно сказать невозможно, – вдруг пошла поперек

его мнения капитан Янсонс. – Как-то все...

– Что не нравится?

Петрович нахмурился. Не хватало ему еще выдумщиц на его седую голову. Выдумщиц, которые версии строят, наблюдаясь сериалов.

– Я тут поговорить успела с народом. Оказывается, эта машина впервые сюда подъехала. Никогда раньше она не парковалась здесь. Это подтвердил и водитель, который привез этих людей.

– Мне сообщили, что они приехали в гости. К кому?

– Ее уже увели. Девушка. Лада Пантелеева. Проживает с отцом, пенсионером. Сегодня должно было состояться знакомство с родителями ее жениха. Встреча была назначена на шесть. Они подъехали без трех минут. Вышли все трое из машины.

– Отец, мать и жених?

– Нет. Мать, жених и водитель матери.

– О! У матери есть водитель? А кто она вообще? Высокого полета птица? – Он выглядывал из-за плеча Эвы, пытаясь получше рассмотреть машину и номера на ней.

– Достаточно высокого.

– А чего тогда снизошла до визита сюда? Как-то странно. Сейчас знакомство с родителями обычно происходит в ресторане. Где-то на нейтральной территории.

У него так дважды было. И с сыном, и с дочерью. И с претендентом на руку дочери они с Таней в ресторане знакоми-

лись. И с невестой сына тоже. И с их родителями пересекались там же.

– Кто сейчас в квартирах-то встречается?

– Я не знаю. Это вопрос не ко мне. Может, у отца невесты денег на кабак не было.

– Так у жениха точно они были. Устроил бы встречу там, не здесь. Здесь же идеальное место...

Макашов обвел взглядом двор. Не двор – колодец. Дома стоят тесно, почти срастаясь боками. Всюду проходные подъезды, арки для въезда и выезда.

– Идеальное место, – снова произнес он и задрал голову вверх. – С какой крыши стреляли?

– С крыши вон того дома. Не из новостроек. Прошлого века дом. Семь этажей.

– Идеальное место, – повторил он снова. И дернулся, повернувшись на дикий вой от машины. – Так кто жертва? Фамилии гостей невесты я услышу?

– Кира Сергеевна Андреева. Слышали о такой?

– Хозяйка заводов и пароходов, – скривился Макашов. – Убили ее?

– Стреляли в нее. Погиб ее сын. Он попытался закрыть мать и погиб.

– Ух ты! Она воеет или невеста?

– Она. Мать. Невесту увели в дом. Отец увел.

– Ладно, идем к ним. Выясним, что и как здесь произошло.

Глава 7

– Это я во всем виновата! Я!

Кира Сергеевна тяжело повернулась к Гарику, неподвижно сидевшему за поминальным столом слева от нее. Так повелось, что он всегда сидел слева. Илюша справа, он слева. Так повелось.

Теперь Илюши не было. Место его за столом пустовало. А Гарик все равно не посмел его занять. Понимал, что никогда не займет место ее сына в ее сердце. Хотя и остался последним на земле ее близким человеком. Он это понимал, нет? Скорее – да, чем нет. За минувшую неделю он не выпил ни разу.

– Гарик... Ты... – Ее опухшее от воя горло еле продавало слова. – Ты все, что у меня осталось в этой жизни. Ты это понимаешь?

Он молча кивнул.

– Для чего я жила? Для чего?! Я жила ради него, ради сына. А теперь все это зачем?! Мне зачем?!

Она обводила взглядом стены гостиной. Останавливалась на окнах, за которыми садовник уже начал открывать укутанные на зиму стволы южных капризных деревьев. Они скоро зацветут. Красотища будет в саду. А...

А зачем все это?! Сжечь, порубить, уничтожить все! Превратить в выжженное поле! Как ее душа!

– Гарик... – она опустила голову, невымытые редкие волосы упали на лицо, – ты почему не женился?

– Что? – Он беспокойно повертел шеей.

– Почему ты все эти годы один? Только не смей мне врать, что был тайно в меня влюблен. Не поверю. И презирать стану за вранье. Так почему ты не женился? Ты ведь не гей. Ты нормальный. Девки у тебя были. Много. Почему не женился?

– Хотел хранить верность только вам, Кира Сергеевна, – ответил он минуты через три раздумья. – Я же верный пес. Вы знаете.

– Знаю.

– А верность, она... Она пополам не делится. Я так считаю. Да и некогда мне было.

– И в этом я виновата тоже. Я украла у тебя всю твою личную жизнь, – всхлипнула Кира Сергеевна.

Ее крупные ладони легли рядом с тарелкой с кутьей. Обхватили ее, стиснули. Если бы тарелка была не из серебра, а из стекла, она бы точно лопнула от той силы, с которой вонзились в ее края ее пальцы.

– Я украла у тебя личную жизнь. У Ильи украла самую жизнь. Я проклятая старуха! Никому не нужная, богатая, проклятая старуха! Он ведь... Он ведь меня пытался прикрыть. Понимаешь?

Гарик промолчал. Он был там. Он все видел.

– Он думал, что я на костылях. Что я беспомощна. И бро-

сился меня спасать. Бросился на линию огня, Гарик! А я... Я все это время врала ему! Эти чертовы костыли... Убить хотели меня, а он меня спасал. Подставился. Дурачок... Такой хороший мальчик...

Она снова протяжно завывала. Гарик с радостью бы оглох, лишь бы не слышать этот нечеловеческий вой. Но не вышло. Ему приходилось слушать это уже несколько дней подряд. Поначалу это были еще и слезы. Море слез. Теперь они высохли. Остался вой, от которого по его телу ползли мурашки. А довести его до такого состояния еще надо было постараться. Он был непробиваемым. Всегда.

Вой неожиданно прекратился. Она подняла голову,глянула на него тяжелым мутным взглядом.

– Что ты молчишь?

Он молчал.

– Не согласен со мной?

Он отрицательно мотнул головой.

– Почему?

– Тот, кто стрелял, знал свое дело, Кира Сергеевна.

– И что?

– Он не мог промахнуться.

– То есть ты считаешь, что стреляли не в меня, а в Илюшу?!

Со стола полетела кутья в серебряной тарелке. Следом блюдо с оладьями, мед, тарелки с колбасой, сыром, яйцами, огурцами. Она уничтожала поминальный обед, который при-

казала готовить каждый день. Когда на столе не осталось ничего, кроме накрытого куском хлеба стакана с водкой, она остановилась.

Встала и тяжело, с присвистом дыша, принялась ходить по гостиной. Он уже и забыл, как это выглядит, когда она ходит самостоятельно, без костылей. Сгорбившаяся, толстая, на кривых ногах с крупными ступнями, она напоминала медведицу. Раненую медведицу. И Гарику на какой-то миг сделалось страшно. По-настоящему!

Он предвидел, что теперь начнется.

Кира начнет мстить, и мстить без разбору. Она начнет убивать людей пачками. Его руками! А он уже не тот. Он утратил хватку. И у него нет уже иммунитета от чужой боли. Ему часто снились те, кого он отправил на тот свет. И он часто во сне каялся и просил у них прощения.

Она вот спросила, почему он не женился, почему не завел семью?

А ответ прост. Он не хотел, чтобы его семья расплачивалась за его страшные грехи. Он размяк? Стал тряпкой? Или в его организме вдруг ожила душа?

Может быть. Все может быть.

– А за что было убивать моего мальчика, Гарик? Что он сделал не так?

Кира Сергеевна остановилась возле окна, уставилась на деревья, возле которых суетился садовник. Произнесла сквозь стиснутые зубы:

– Порубить! Порубить все к чертовой матери!

– Что? Что, не понял?

Гарику снова стало страшно. Кого порубить? Как? Уже началось, да?

– Деревья! Сад... Не хочу больше ничего. Закатать все в асфальт! Не нужны мне эти чертовы деревья. Пусть вырубает. Выкорчевывает. Что хочет пусть делает! Но чтобы их тут не было.

– А что вместо них?

Честно? Гарику тоже не нравилась эта тропическая поросль. Столько на них уходило денег, столько Сашке-садовнику с ними было мороки. На зиму укрой, зимой наблюдай, чтобы не промерзли, чтобы стволы не сгнили, если зима не морозная и влажная. С весны по осень начиналось цветение. И по его личному мнению, вонь в саду стояла невыносимая. Он не мог там находиться. Сбегал. Потому что принимался чихать и кашлять от аллергии.

– Вместо них пусть елки сажает. Или кипарисы. Кипарисы хочу, – произнесла она капризно. И пошла от окна к двери. – Отдохнуть хочу. Не тревожь меня. Буду отдыхать и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.